Изящный детектив
Г·А·Л·И·Н·А
КУЛИКОВА
Французская вдова

Галина Михайловна Куликова
Французская вдова

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6885524
Куликова, Галина Михайловна. Французская вдова : роман : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71157-4

Аннотация

Владелец букинистического магазина Федор Буколев в одной из книг нашел записи некоего Виктора. Тот стал свидетелем преступления и откровенно опасается за свою жизнь. Бросившись на поиски, Федор узнал, что Виктор недавно умер. А возможно, был убит. Сестра погибшего Марина производит на Федора неизгладимое впечатление, и он легкомысленно дает ей слово разыскать убийцу. Расследование приводит его за кулисы небольшого столичного театра, где Федор находит единомышленника, режиссера Тарасова – человека страстного и непредсказуемого. В театре между тем полным ходом идет расследование другого преступления – убийства двух молодых актрис. Следователь Зимин, ведущий дело, решает: парочке самодеятельных сыщиков можно дать некоторую свободу. Ему и в голову не приходит: эти двое способны вывести на чистую воду изощренного преступника, который раз за разом ускользал от него самого…

Галина Куликова
Французская вдова

Огромное спасибо

Александре Артаевой, писателю, редактору, педагогу, за советы и неоценимую помощь в подготовке книги

и

Сергею Тонгуру, драматическому актеру московского театра «Et cetera», за консультации, связанные с театральной жизнью

© Куликова Г., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Федор Буколев, имевший в среде профессионалов книжного рынка прозвище Крейзи Бук, был невероятно удачлив. В неполные тридцать пять лет – владелец одного из лучших антикварно-букинистических книжных магазинов. Ему везло в делах и любви, а всякие бытовые проблемы решались им с необыкновенной легкостью. Был он обаятелен, энергичен и умен, одевался стильно, носил в ухе серьгу и на всех, с кем сталкивала его жизнь, неизменно производил сильное впечатление. Близкие знали и другие его качества – въедливость, настойчивость, последовательность, бесстрашие. Иногда он неожиданно впадал в ярость, иногда неделями благодушествовал. Кто-то Буколева любил, кто-то не очень, но уважали его все.

Сейчас Федор сидел развалившись в офисном кресле на колесиках и внимательно рассматривал небольшую изящную книжечку в старом кожаном переплете. Но если руки Федора, крепко держащие книгу, находились в относительном покое, то длинные ноги, обутые в светло-коричневые мокасины, жили отдельной и весьма бурной жизнью. Они исполняли какой-то дикий индейский танец пополам со степом, благодаря чему кресло, адски скрипя колесиками по ламинату, сделало по комнате почти полный круг.

Эта комната служила Федору кабинетом и переговорной одновременно. Большую часть пространства занимал огромный письменный стол, заваленный грудой всевозможных бумаг. Кроме того, правый угол был заставлен коробками – там тусклым золотом светились корешки толстых фолиантов. На стене красовался плакат тридцатых годов прошлого века с изображением сердитой женщины в строгом костюме и надписью: «Читатель! Не смачивай пальцев слюною, перелистывая библиотечную книгу!»

Вдоль стены, под плакатом, стояли облезлые стулья откровенно помоечного вида. Федор ими страшно гордился, так как самолично притащил эту рухлядь именно с помойки и рассказывал, что стулья некогда украшали квартиру какой-то любовницы Берии. И очень возможно, сексуально озабоченный Лаврентий Палыч, приходя к даме, вешал на эти гнутые спинки брюки или еще чего. Стулья давно рассохлись и угрожающе скрипели под седоками, однако никто не решался вслух протестовать, получив учтивое приглашение присесть на один из раритетов.

– А нюх, как у соба-а-ки, а глаз, как у орла! – вдруг во весь голос завопил Буколев, потрясая книгой, и радостно захохотал.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилось хорошенькое личико с огромными испуганными глазами.

– Федь, ты чего?! Что-то случилось?

– Пою я, понятно? Удача, девочка, такая удача!

– Поешь? Я думала, это крик о помощи…

– Солнце мое, Веруня, – потянулся Буколев и, стремительно выпрыгнув из кресла, мгновенно и прочно утвердился на своих длинных ногах. Книгу притом он из рук не выпускал. – Ты слышала крик души! Душа поет, понимаешь?

– Нет, – искренне ответила Веруня, пошире приоткрыв дверь кабинета. – Чего поет?

– Песню гениального сыщика. Помнишь? «Бременские музыканты»! Смотрела в детстве?

– Не помню, – наморщила лоб Веруня, стараясь понять, чего хочет начальство. – Группа такая?

– Марш обратно в зал! – взревел Буколев. – Наверняка клиентов полно, а ты мне тут… Если опять пропадет книга, стоимость из твоей зарплаты вычту.

– Этого… Бегеля потом нашли, – стала оправдываться девушка. – И вообще в тот день не я работала.

– Кого нашли?!

– Ну, книгу… Писателя этого… как его… Бегель. Нет – Гебель, – в голосе Веруни слышалось отчаяние смертника, которому отказали в помиловании.

– Еще скажи – Геббельс! – рассердился Федор. – Год в магазине – фамилии выучить не можешь. Гегель!!! Выдающийся немецкий философ! Скройся с глаз или…

Веруня мгновенно исчезла за дверью, успев, правда, расслышать посланное в спину: «В школу отправлю! «Красную Шапочку» заставлю вслух читать! «Каштанку» выучишь у меня наизусть!»

Буколев по инерции еще несколько минут бегал вокруг стола, яростно матерился и выкрикивал: «Как с такими работать? Им чебуреками на вокзале торговать! Всех уволю к фиговой бабушке!» Постепенно внутренний вулкан эмоционального книготорговца угас, и Федор вернулся к письменному столу. Усевшись обратно в кресло, он бережно положил на стол книгу и уставился на нее долгим мечтательным взглядом.

Да! Это были легендарные «Записки русского невольника, бывшего при дворе турецкого султана, на пиратском корабле, в плену туземцев-каннибалов и счастливо избежавшего смерти, Божьей милостью возвратившегося на Родину». Изданная в Санкт-Петербурге в 1795 году крошечным тиражом, книга уже тогда стала библиографической редкостью. А спустя месяц большая часть тиража сгорела во время пожара на складе издателя и, как считалось, до наших дней дожили считаные экземпляры. Подобные находки – исключительная редкость, в жизни букиниста такое может случиться лишь пару-тройку раз. И это в лучшем случае.

Федор вспомнил, как сложно шли предварительные переговоры с жуткой дамочкой, которая продавала библиотеку. Она трезвонила в магазин ежедневно и каждый раз меняла условия предыдущей договоренности. Буколев был уверен, что она обращается с тем же предложением в другие книжные магазины, пытаясь устроить необъявленный заочный аукцион. Дважды он едва не послал ее к черту, решив, что это пустая трата времени, что никаких старых книг в действительности у нее нет. А есть набор изданий, которые профессионалы именуют антикварным хламом.

Но что-то удержало его от решительного отказа, он довел эту сделку до конца, и вот – джекпот! Когда он с помощником приехал смотреть библиотеку, то сразу понял, что книги тетке достались от кого-то, кто любовно и бережно их собирал и хранил. Копаться в коробках, пирамидой сложенных в коридоре, Федор не стал. Вскрыл лишь несколько штук, чтобы убедиться, насколько выгодной будет для него покупка, и, для приличия еще немного поторговавшись, заплатил деньги.

И вот теперь, уединившись в кабинете, он занялся любимым делом – тщательным исследованием приобретенных книг. Конечно, он ожидал от этих коробок сюрпризов, но чтобы такое!

Сейчас Буколева охватил хорошо знакомый охотникам и грибникам азарт. Пускай в корзине уже есть здоровенный крепкий боровик, но ведь рядом, на полянке, может прятаться еще один, и еще…

Бережно спрятав «Записки русского невольника» в сейф, Федор подошел к теткиным коробкам, вынул оттуда очередную стопку книг и перенес их на стол. Наскоро соорудив чашечку кофе со сливками, Буколев неторопливо стал выбирать новый объект исследования. Со стороны он напоминал ресторанного завсегдатая, выискивающего в меню новое блюдо.

Взгляд Федора остановился на потрепанной книге с интригующим названием «Любовь в Париже» и подзаголовком «Записки начальника сыскной полиции». Изданная в тысяча девятисотом году, она была порядком зачитана, блок выпадал из переплета, а значительная часть страниц, ничем не скрепленных, просто вываливалась наружу.

Взглядом специалиста Буколев сразу же оценил ущерб. «Реставрировать придется, и серьезно. А вещичка любопытная и, похоже, пикантная. Хорошо бы все листы оказались на месте».

Чтобы проверить это, он стал быстро и уверенно перелистывать страницы. Подобная монотонная и утомительная работа была ему не в тягость. Конечно, можно и девочкам перепоручить, считать-то они, во всяком случае, умеют. Однако в этом случае Федор лишил бы себя одного из самых больших удовольствий – искать и находить в книгах, между страницами, всевозможные вещички, которые люди использовали в качестве закладок. Или просто клали в томики для временного хранения, а потом забывали их там навсегда.

За несколько лет он собрал гигантскую коллекцию, которой очень гордился. Здесь были старые календарики, билеты в кино, театры, на стадионы, странички отрывных календарей, открытки, письма, фотографии, театральные программки, билетики на автобус, троллейбус, трамвай, приглашения на новогоднюю елку, творческие вечера, выставки. Попадались пропуска на Красную площадь в дни революционных праздников, мандаты участников партийных конференций, не переведенные переводные картинки, детские рисунки, лотерейные билеты и так далее, и так далее, и так далее.

Но, как любил иронизировать сам Буколев, единственное, что никогда не попадалось ему в книгах, – валюта и крупные отечественные купюры. «Вышедшие из обращения царские, советские дензнаки – пожалуйста, а какую-нибудь завалящую российскую тысячу днем с огнем не найдешь», – говорил он знакомым. «Это все потому, – смеялись те, – что нынче люди вообще перестали читать книги».

Не успев пролистать и десяти страниц, Федор обнаружил отличной сохранности обертку шоколадного батончика. Хотя такие батончики прекратили выпускать лет тридцать назад, бумага хранила отчетливый шоколадный запах. Еще через несколько десятков страниц нашелся тщательно разглаженный фантик от конфеты «Мишка на Севере» – видимо, какой-то читатель или владелец книги был сладкоежкой.

«Дальше, наверное, тоже фантики лежат, – думал Федор, продолжая считать страницы. – А может, там вообще больше ничего нет». И в этот момент из книги выпали и спланировали на пол два листка бумаги. Буколев немедленно поднял их и тоскливо вздохнул. Это были сложенные пополам листы, один в другом, вырванные из банального делового ежедневника. Оба были исписаны с обеих сторон аккуратным бисерным почерком. Такие находки Федор не любил и обычно выбрасывал – унылая современность, записи какого-нибудь клерка или менеджера по продажам зеленого горошка. Здесь не было аромата прошедших лет, следов минувших эпох. То ли дело любовные послания девятнадцатого века… Изящество стиля, страсть, глубокие мысли, высокие чувства!

Он собрался было скомкать листки и бросить их в корзину для мусора, однако любопытство пересилило. Надо же хоть глазком взглянуть на то, что выбрасываешь. Это внезапное решение во многом определило дальнейшую судьбу преуспевающего торговца старинными книгами.

* * *

– Маргарита Сергеевна?

– Да, я Маргарита Сергеевна, а вы кто такой?

«Дамочка в своем репертуаре, – подумал Федор. – Еще не знает, кто ей звонит, а уже встала в позу».

– Федор Буколев беспокоит… Два дня назад я купил у вас библиотеку.

– Что купил? Говорите громче.

– Книги! – обреченно прокричал Федор в трубку.

– Мы все продали, не звоните больше по этому телефону.

– Да знаю, что продали. Вы мне и продали, – Федор улыбнулся, и эту улыбку Маргарита Сергеевна наверняка должна была почувствовать. Почувствовать и смягчиться. Но она не смягчилась.

– А, так это вы звоните… А что, собственно, случилось? – Голос его собеседницы сделался подозрительным.

– Не волнуйтесь, ничего не случилось. Мне надо кое-что у вас уточнить.

– Что уточнить?

– Расскажу при встрече, – Федор не желал объясняться по телефону.

– Зачем нам встречаться? Это связано с деньгами?

– Нет, с деньгами это не связано. – Он был терпелив, как любящая мать.

– У вас претензии?

– Никаких претензий нет!

– Тогда я не понимаю, что вам нужно.

– Если мы будем вот так орать в трубку, ничего и не поймете. Я могу завтра приехать к вам? Буквально на полчаса.

– Зачем?

За библиотеку Маргарита Сергеевна получила от Федора немалые деньги и теперь, видимо, опасалась, что тот передумал и хочет вернуть книги назад. Надо было ее в этом разубедить. Странички из ежедневника, найденные в книге «Любовь в Париже», – вот причина, по которой Буколев добивался встречи. Однако если не схитрить, Маргарита Сергеевна отфутболит его, как случайно залетевший на ее личный огород мяч.

– Среди книг бумажка одна оказалась, – объявил Федор голосом присяжного поверенного. – Похоже на завещание. Может, посмотрите, вдруг она нужна. Иначе я ее выброшу.

Маргарита Сергеевна некоторое время молчала, шумно дыша, потом гордо заявила:

– Библиотека досталась мне по закону, и нечего тут воду мутить. И вообще – какое вам дело до наших бумажек?!

– Гражданский долг, – заявил Федор. – Вдруг я отправлю в мусорный ящик то, что представляет ценность для вашей семьи?

Пришось приложить еще немало усилий, чтобы уломать законную владелицу библиотеки встретиться с ним в метро. Она нарочно выбрала пересадочную станцию, где всегда много людей, и рандеву назначила в самый час пик.

Проклиная себя за любопытство, Федор стоял посреди платформы возле информационного столба. Его то и дело дергали, задавали вопросы, толкали локтями, задевали сум-

ками. Наконец появилась взмыленная Маргарита Сергеевна, которая, еще толком не отдышавшись, взяла быка за рога:

– Вот не хотела я вам книжки-то продавать, так не хотела! И денег мало дали – мне потом соседка по подъезду говорила, сколько все это стоит! И теперь голову морочите!

– Ваша соседка торгует книгами? – вежливо поинтересовался Федор.

– Неважно, чем она торгует! – огрызнулась Маргарита Сергеевна. – Она все знает.

– Вот в следующий раз пусть она у вас книги и покупает, – посоветовал Буколев.

Трудно объяснить несведущему человеку, что сидеть на книжных сокровищах можно лет сто, да так и не найти на них покупателя.

– Вы уж, пожалуйста, взгляните на то, что я обнаружил, – сказал он твердо.

– Лучше бы денег еще дал, – неожиданно заявила владелица библиотеки.

– Не дам. Будете смотреть, вдруг что-то важное?

– Взгляну, раз приехала.

Некоторое время женщина рассматривала исписанные листки, потом быстро скомкала их и возмущенно сунула Федору обратно в руки.

– Как не стыдно! – воскликнула она. – И из-за этой писульки гоняли меня бог знает куда! Какое же это завещание? Я думала, племяш мой покойный свинью мне подложил. А это… тьфу! Сидел себе у окна, от скуки не знал куда деваться, всё записки писал. Квартирку сестрице завещал, доченьке моей ненаглядной! А тетке родной, которая его кормила и воспитывала, всякий хлам отдали с барского плеча, книжки эти драные. Давай, мама, торгуй, зарабатывай копейки.

Припомнив, какую сумму он выложил за книги, Федор хмыкнул.

– Еще марки всякие, а куда я их дену? Сейчас с какими-то кровососами филателистами связалась. Все за копейки хотят взять, все за копейки…

Мгновенно проанализировав ситуацию, Федор прервал бушующую Маргариту Сергеевну:

– Можно мне телефон вашей дочери?

– Зачем это? – насторожилась дама.

– Хочу спросить, вдруг в квартире еще что-то интересное есть для продажи.

– Ты у меня спроси. Нет там больше ничего.

– Дочь вам все отдала?

– Не все! Отдаст она, как же. Только Витькины книжки и альбомы с марками. Им-то с мужем они не нужны – за границу уезжают жить, квартиру сдавать будут.

– И все-таки, можно ее телефон?

– Не дам, – у Маргариты Сергеевны был вид крокодилицы, проглотившей живую птичку.

– Хорошо, а за пять тысяч дадите?

– Рублей? – тотчас оживилась крокодилица.

– Рублей, естественно, не долларов.

Бдительность Маргариты Сергеевны некоторое время боролась с ее же жадностью. Мучительные раздумья отразились на полном свежем лице.

– Хорошо, записывай. Но если что, я в нашу полицию сообщу, ясно?

– Хоть в нашу, хоть в нью-йоркскую, – облегченно вздохнул Буколев и достал мобильный, приготовившись внести номер в список контактов. Но перед этим вручил своей собеседнице обещанную пятитысячную купюру.

– Деньги хоть настоящие, не фальшивые?

– Ну вы даете, – укоризненно покачал головой Федор.

– С вами держи ухо востро, – сурово отчеканила дама. – Торгаши!

Едва лишь Маргарита Сергеевна с независимым видом удалилась, Федор аккуратно расправил скомканные белые листы. Хотя он и снял с них копию, оригинал все-таки мог пригодиться.

Когда Федор впервые читал эти записи, ему на ум сразу же пришел знаменитый фильм Хичкока «Окно во двор». Человек сидит перед окном и наблюдает за домом напротив. И так внимательно наблюдает, что в итоге раскрывает преступление. Не заметить сходства ситуаций было просто невозможно.

«*1 мая.* Сна как не было, так и нет. Говорят, после тяжелых травм и операций такое бывает. Почти не сплю, хотя глаза красные и дико болят. Поэтому компьютер мне недоступен. Появились две странные привычки – сидеть у окна и смотреть на улицу, да еще записывать кое-что для развлечения. Не дневник вести, а просто так – выкладывать на бумагу впечатления. Что увижу, то пою, короче.

Сегодня первый по-настоящему жаркий день, поэтому окно открыл настежь. Хотели поехать на дачу, но заболел Маринкин муж, поэтому я снова как в аквариуме. Сижу, любуюсь на родной двор. Любоваться особо не на что – все разъехались. Кто на природу, кто в дальние страны. Стараюсь не завидовать, только плохо получается. За четыре часа, что торчу у окна, в доме напротив дверь подъезда открывалась раза два. Город пустой. Мне кажется, что за те несколько месяцев, что я вынужден вот так сидеть в чертовом кресле и смотреть в окно, я уже знаю всех жильцов дома напротив, распорядок их дня, привычки, слабости.

Ага, вот что-то новенькое – в подъезд зашел незнакомый парень. Такая жара, а он в костюме! В гости идет? Вон сумка какая в руках. Наверное, там подарки. Интересно, напьется он или выйдет трезвым? Зуб даю, напьется… И это теперь моя жизнь?»

«*2 мая.* Скорее бы уже началась положительная динамика, как любит говорить мой лечащий врач. Немного посмотрел телик, полчаса почитал, и все – глаза как будто песком засыпали. Теперь, когда погода наладилась, можно дремать возле открытого окна. Или не дремать, а наблюдать жизнь. Уже заочно познакомился со всеми дворовыми кошками и собаками. Что дальше? Вчерашнего парня в костюмчике так и не удалось подкараулить – видимо, все-таки надрался и остался ночевать. Или я плохой наблюдатель. Людей как не было, так и нет. Впрочем, вот еще один тип в деловом костюмчике и с галстуком. Если бы не прическа, можно было бы подумать, что это вчерашний парень. Нет, не похож. Этот ростом повыше. И в руках у него большой пластиковый пакет. И этот идет на день рождения с подарком? Может, вчера не успел поздравить именинника или именинницу? Раньше я его здесь точно не видел. Значит, он должен рано или поздно выйти. Сегодня не упущу момент. Можно считать, что это спорт такой. Вот и буду спортсменом до конца».

«*3 мая.* Сгораю от любопытства. В подъезд напротив снова зашел мужик в костюме, при галстуке и с большой сумкой в руках. Уже третий! Когда и как ушли первые два, я так и не понял. Испаряются они, что ли?»

«*5 мая.* Я бы не обратил внимания на эту чехарду в обычное время, но майские праздники, безлюдье… Что прикажете думать? В подъезд напротив заходят по очереди молодые мужчины в костюмах и больше не появляются. Мистика! А может быть, их там убивают?! Сосед-маньяк, прикидывающийся добропорядочным гражданином. Теперь уж я точно не отойду от окна. Спать не буду, но дождусь, когда выйдет очередной гость. Вчера спрашивал у водопроводчика, который заходил кран чинить, есть ли в соседнем доме еще один выход. Он сказал – нет. Дом типовой, подвал закрыт на замок, чердак тоже. Невероятно».

«*7 мая.* Теперь я постоянно думаю про исчезающих мужчин. Что это – паранойя? Надо посоветоваться с моим врачом, когда он вернется из поездки. Нет, положительно все против меня. Даже врач, и тот уехал в Таиланд. Уже неделю я наблюдаю за этим проклятым подъездом. Почему никто из незнакомцев в костюмах больше не появился? Почему ни один не вышел из подъезда? Или я их ночью проглядел? Но ведь и ночью я почти не сплю. А тут как приговоренный торчал у окна…

Собственно, что мне до этих людей?»

«*8 мая.* И все-таки – куда они подевались? Сидят безвылазно в чьей-то квартире все вместе? Собираюсь в ночное – буду караулить сутки, двое, пока не удостоверюсь, что все в порядке и эти люди живы-здоровы. Или они все-таки ушли? В тот момент, когда я на паротройку минут отъезжал от своего окна? Ушли все вместе? Хм. По теории вероятностей это просто невозможно».

«*10 мая.* Черт побери, что делать?! Кажется, он все понял. Обо всем догадался! И я попал. Мне не по себе. Я теперь нежелательный свидетель, так, кажется, это называется? А от нежелательных свидетелей принято избавляться. Во всех детективах об этом пишут. Так странно размышлять об опасности, сидя в запертой квартире… В полицию сообщать страшно, они меня тут же приплетут к делу. Начнут допрашивать, станут подозревать… Хватит мне Ванькиного опыта. Женщину ограбили у него на глазах, побежал в полицию, так его в ограблении и обвинили. Подходил он, видишь ли, сыскарям по всем статьям. Я, может, им тоже подойду. Вдруг все-таки пронесет? Нет, не пронесет, я шкурой чувствую опасность».

«*12 мая.* Маринка была удивлена, зачем я составил завещание. Даже плакала, надо же. Дескать, врачи убеждены – со мной все будет нормально. Однако я теперь в этом совсем не уверен. Нужно спрятать улику, но куда? В коробку с печеньем? Смешно. Не знаю, что делать, и посоветоваться не с кем. Своих пугать не хочу. Мало им со мной проблем…»

«*13 мая.* Сегодня ночью вдруг заснул – как вырубило. Проснулся от телефонного звонка. Глянул на часы – ровно три. В трубке молчание. А потом постучали в дверь. Подъехал, крикнул: «Кто там?» Никто не ответил. Спать после этого совсем не мог. Сейчас впору как Ленскому пропеть: «Что день грядущий мне готовит?» Может, ничего не готовит, а может быть, впереди большие неприятности. Или одна, последняя Большая Неприятность».

*** * ***

На следующий день Буколев позвонил Марине.

– Здравствуйте, меня зовут Федор, – вежливо начал он разговор. – Извините за беспокойство, мне телефон дала Маргарита Сергеевна, ваша мать…

– Это худшая из рекомендаций, – раздался в ответ смешок. – Даже если бы мой телефон дал Влад Цепеш, он же граф Дракула, я была бы гораздо спокойнее. Тем не менее я вас слушаю.

Голос у Марины был приятный, заслушаешься, чувство юмора – налицо. «Значит, – порадовался Федор, – с ней можно иметь дело». Ему даже захотелось немного пофлиртовать.

– Я обращался к нему, но граф был занят – сажал на кол неугодных бояр. И отправил меня к своему заместителю, где я и разжился телефончиком. Видите, как нелегко он мне достался, так что смилуйтесь, уделите пару минуток.

– Ладно, излагайте, – засмеялась Марина. – Надеюсь, речь пойдет о чем-то менее кровожадном.

Федор пытался представить женщину, у которой такой мягкий и сильный голос. Ему даже не хотелось переходить к делу.

– Кстати, вам приходилось бывать в Румынии? – продолжил он тянуть резину.

– Нет, не приходилось. А что?

– Побывайте, узнаете много интересного про легендарного валашского господаря. Кстати, он ведь сам является жертвой.

– Чьей же?

– Ну, во-первых, его предали и убили. А во-вторых, Влад Цепеш стал жертвой черного пиара. Мало как будто при жизни нагрешил, проливая кровь и сажая на колья живых людей. Так ему и после смерти такое навешали, что мне даже жалко мужика.

– Федор, вас страшно слушать, вы прямо адвокат дьявола.

– Нет, Марина, я всего лишь скромный букинист.

– Так что, господин скромный букинист, вы хотите от скромной домохозяйки?

– Господи, я отнимаю у вас время! – с раскаяньем в голосе воскликнул Федор. – Дело вот в чем: несколько дней назад я купил у Маргариты Сергеевны библиотеку.

– Я в курсе, это книги моего покойного брата. Он много лет собирал их. И в чем проблема?

– Проблемы никакой нет. Просто в этих книгах обнаружилась записка… Вернее, листки из ежедневника с записями. Записи эти меня заинтриговали. И насторожили, если честно. На Маргариту Сергеевну они никакого впечатления не произвели. Поэтому теперь мне бы хотелось показать их вам. Вы ведь сможете узнать почерк брата?

– Смогу, конечно. Выходит, нам нужно встретиться. – В ее тоне послышалось сомнение.

– Клянусь, я безвреден. Если опасаетесь, можете приехать в мой магазин, там полно служащих и покупателей, вы будете в безопасности. Или выпьем где-нибудь в людном месте по чашечке кофе. За мой счет, разумеется!

– Вас так заинтересовала найденная в книге записка?

– Чрезвычайно. Да она любого человека заинтересовала бы. – «Кроме вашей мамы», – хотел добавить он, но прикусил язык. – Надеюсь, вы кое-что сможете для меня прояснить.

– Ладно, давайте встретимся, – согласилась Марина. – Кофе я пью крепкий, без сахара и сливок, и, как правило, одной чашкой не ограничиваюсь. Так что готовьтесь.

* * *

Поверить в то, что Марина – дочь Маргариты Сергеевны, было невозможно. Все равно что признать жар-птицу дочерью надутой индюшки. Федор делил женщин на две категории: на тех, чьей фотографией можно украсить кабинет, и на всех остальных. У Марины не только голос был приятным. Она сама оказалась фантастически приятной и милой. Ее фото Буколев готов был сразу, без долгих раздумий и оговорок, поставить на рабочий стол. Просто так, чтобы любоваться в течение дня. Более того, он охотно согласился бы повесить на стену Маринин портрет. Где-нибудь над бериевскими стульями.

Они встретились на Тульской, в небольшой сетевой кофейне, где по утреннему времени практически не было посетителей. Место назначила Марина, ей так было удобно, а Федор не возражал.

Молодая женщина была в светло-сером платье без всяких украшений, лицо без косметики. Устроившись на своем месте, она закинула ногу на ногу и спокойно, без улыбки, посмотрела на собеседника.

– Не нравится? – покачал головой Буколев, пытаясь найти нужную тональность разговора.

– Почему? Нормальная кафешка, – пожала плечами Марина.

– Я имею в виду свою физиономию.

– Нормальная физиономия.

– Если я спрошу, как вам сегодняшняя погода, вы ответите: «Нормальная погода!» Так?

– Федор, не пытайтесь меня обаять, в этом нет необходимости. Я тороплюсь, поэтому давайте к делу.

– Хорошо, к делу. Только кофе сначала закажите, – он махнул рукой официанту.

– Где те листки бумаги, которые вас так заинтриговали? – Марина побарабанила пальцами по столу. Впервые стало ясно, что она все-таки немного волнуется.

Федор достал странички ежедневника и протянул ей.

– Это ваша мама их так сильно помяла, – пояснил он. – Разозлилась, что я выдернул ее из дому ради такой ерунды.

Пока Марина читала, Федор неотрывно наблюдал за ее лицом. Сначала она улыбнулась, потом нахмурилась и так, со сдвинутыми бровями, добралась до конца. После чего отложила листки в сторону и потерла пальцами переносицу.

– Невероятно. Значит, подозрения были небеспочвенны, – вслух сказала она и подняла на собеседника чистые глаза.

– Какие подозрения? – насторожился Федор. – Это ведь почерк вашего брата, верно? Со слов Маргариты Сергеевны я знаю, что он умер.

– Что еще она говорила?

– Ну… Что брат завещал вам квартиру.

Марина продолжала смотреть на него в упор. Потом все-таки спросила:

– Федор, зачем вам все это?

– Поставьте себя на мое место. Смогли бы вы прочитать, а потом просто выбросить такое из головы?

– Значит, вам любопытно.

– Это и любопытство, и… гражданский долг, если хотите! Считайте меня Робин Гудом. Марина, ради бога, я просто человек, которому не все равно.

– Хорошо, – она неожиданно решилась. – Сначала я вкратце расскажу вам про Виктора. Да, это рука моего двоюродного брата. Мы дружили с детства, и, кажется, ближе человека у меня просто не было.

Она замолчала, потому что официант принес кофе. Густой упоительный запах пробрался в ноздри, заставив сделать каждого из них глубокий вдох. Федор взял свою чашку и бросил в нее кружочек лимона. Кофе с лимоном был его личным антидепрессантом.

– Продолжайте, – попросил он Марину, которая, сделав глоток из своей чашки, на секунду замешкалась.

Она послушалась и негромко заговорила:

– Витя был старше меня почти на десять лет. Наверное, поэтому относился очень нежно, опекал меня, защищал, в общем, был мечтой младшей сестры. У него рано умерла мать, отец много работал, надолго уезжал в командировки, поэтому Витя часто жил у нас.

– А, так вот почему Маргарита Сергеевна так нелестно о нем отзывалась.

– Маргарита Сергеевна обо всех отзывается нелестно, – сердито бросила Марина. – Не перебивайте, и так тяжело рассказывать.

Федор жестом дал понять, что замолкает и внимательно слушает.

– Витя окончил институт, по специальности почти не работал, сразу затеял с друзьями свой бизнес. Все было хорошо, но потом… что-то сломалось в жизни. Сначала развелся с женой, точнее – она ушла от него, забрала дочку. Отсудила половину имущества, да еще и написала на него телегу в налоговую. В общем, Витя едва не разорился, но все-таки устоял, сохранил свое дело.

Постепенно вроде бы все вошло в колею, бизнес приносил приличные деньги, брат нашел себе очень хорошую девушку, дело шло к свадьбе, но… За три недели до регистрации она погибла в автокатастрофе. Описать горе брата я не берусь. Месяц он беспробудно пил, а потом вдруг резко прекратил пить вообще, с головой ушел в работу. Я тогда часто приходила к нему, пыталась как-то отвлечь, но он словно живой мертвец – ни на что не реагировал. Да еще его бывшая стала наседать, чтобы он разрешил навсегда увезти дочку за границу. В общем, Витя был в страшной депрессии.

– Да уж, досталось мужику, – сочувственно брякнул Федор, но сразу же осекся, виновато глянув на Марину.

– Досталось, – кивнула она в ответ. – И тут один умник, из числа его приятелей, надоумил Витьку заняться экстремальными видами спорта. Вставляет, мол, так, что все земные беды и горести мгновенно забываешь. В итоге брат пристрастился ко всевозможным рискованным мероприятиям. Как я отговаривала его, вы не представляете!

– Почему же, – мягко заметил Буколев. – Подавляющее большинство людей с опаской относится ко всем этим банджи-джампингам, парапланеризмам, каньонингам и прочим удовольствиям. Хотя будоражит действительно мощно.

– Пробовали? – неприязненно глянула на него Марина.

– Так, немного. Дайвинг да еще парашют.

– Вот и Виктор попробовал. В результате – повреждение позвоночника, инвалидное кресло и неясные перспективы. Правда, врачи надеялись, что брат начнет ходить. Однако прошел год, но подвижки оказались очень незначительными. Тем не менее Витя был настроен оптимистично, занимался физкультурой по специальной методике. Я приезжала к нему через день. Убирала, готовила, выполняла его поручения. И вот…

Федору показалось, что Марина сейчас заплачет, и он испугался. Еще ни разу в жизни ему не удавалось справиться с женскими слезами или с женской истерикой. В его сознании они ассоциировались с природной катастрофой, и он попытался эту катастрофу предотвратить.

– Хотите пирожное? – быстро спросил он. – Мне кажется, шоколадное с вишней должно быть очень вкусным.

Марина оказалась настолько проницательной, что мгновенно разгадала его хитрость.

– Не волнуйтесь, я не стану при вас рыдать, у меня хорошая выдержка.

Федор смутился.

– Тогда дорасскажите мне эту историю. Что в итоге случилось с Виктором?

– Что случилось, никто не понял. Я приехала к нему – не открывает. Он предпочитал сам открывать дверь, хотя у меня есть ключи. В общем, когда я вошла, увидела Витю лежащим на полу, рядом с креслом. Врачи сказали – сердечный приступ, хотя у брата было здоровое сердце. Однако и медики, и полиция настаивали на том, что смерть наступила естественным образом. Но мой муж счел нужным все проверить. Он довольно известный кардиолог, – пояснила Марина. – В общем, муж договорился, чтобы на вскрытии присутствовал его приятель, судебно-медицинский эксперт. Так вот этот эксперт не исключает, что Виктора отравили.

– Вы серьезно? – Федор мгновенно выпрямился на своем стуле.

– Совершенно серьезно. Но это, так сказать, неофициально.

– Так потребуйте официального расследования. Ведь можно еще, наверное, найти следы яда.

– Как сказал приятель мужа, это потребовало бы многочисленных экспертиз, а кто будет этим заниматься? Полиция? Так лишь в детективах бывает, а в жизни все проще.

– А как ваш муж, верит своему приятелю? Тоже считает, что Виктора убили?

– Он прагматик, как все врачи. Но все же допускает возможность постороннего вмешательства.

– Наверное, ваш муж большой авторитет? Вы же сказали – известный врач… Как он стал известным врачом в столь молодые годы, кстати?

– Так годы-то не столь уж молодые – он старше меня на семнадцать лет, – пожала плечами Марина. И снова вернулась к волнующей теме. – Наверное, надо было устроить скандал, заявления писать. Но кто на эти заявления внимание обратит? Очевидных причин убивать брата ни у кого не было, из дома ничего не пропало…

– А как же вот эти странички, которые я вам показал? – удивился Федор.

– Так ведь их тогда не нашли.

– Не искали потому что. Кстати, как они могли попасть в старую книгу? Которую сто лет никто не открыл бы? Если Виктор их туда спрятал, то зачем?

Марина растерянно пожала плечами.

– Записи сделаны в мае, – продолжал размышлять Федор. – Чуть больше месяца назад.

– Витя погиб пятнадцатого мая, – дрогнувшим голосом сказала Марина. – Раньше это было мое любимое число, а теперь…

– Обратите внимание: в записях есть слово «улика», – заметил Федор. – Как вы думаете, что это может быть такое? Какая-нибудь вещь?

– Даже не представляю, – пожала плечами Марина. – Брат сидел у окна, наблюдал. Выйти на улицу сам не мог. Откуда взяться улике?

– А в доме напротив ничего не случалось экстраординарного? Виктор ведь заметил, что в один и тот же подъезд входят мужчины, которые потом не возвращаются обратно. Вдруг там происходили убийства? И если это так, об этом наверняка стало известно всей округе.

– В доме напротив ничего не случилось, – покачала головой Марина и поставила чашку на блюдце, воззрившись на Федора с удивлением. – А вот в подъезде Виктора незадолго до его смерти нашли мертвую девушку.

На Федора словно повеяло холодком.

«А ты думал, что все это игра? – задал он сам себе вопрос. – Думал, ввяжешься в дело и получишь чистый драйв? Не выйдет, дружок. Получай теперь ответственность за чужую судьбу».

– Девушка погибла примерно за неделю до Витиной смерти. Как он мог отыскать какую-то улику? И почему он мне ничего о ней не рассказал? Знаете, мне нужно хорошенько подумать. Вдруг я на что-то просто не обратила внимания? Пропустила мимо ушей?

– А личные вещи Виктора еще целы?

– Ну, не все, конечно. И все же несколько коробок мы еще не разобрали, поставили в гараж. Думаете, в них можно найти что-то важное?

– Понятия не имею. Но лично я попытался бы отыскать тот ежедневник, из которого вырваны странички. Вдруг в нем есть еще записи?

– Хорошо, я сегодня же схожу в гараж, – пообещала Марина. – Заодно попробую поискать таинственную улику. Как вы думаете, это предмет?

– Возможно, фотография. Убийца вышел из подъезда, и ваш брат его из окна сфотографировал. Тот увидел вспышку и вскинул голову. Они встретились глазами, и ваш брат понял, что стал нежелательным свидетелем.

– Но откуда он знал, что это убийца? – резонно возразила Марина. – Вряд ли он выезжал в своем кресле на лестничную площадку и что-то видел. Да он даже в глазок заглянуть не мог! Нет, тут что-то не то.

– Да уж, загадка, – покачал головой Федор. – Еще кое-что меня смущает. Эксперт-криминалист сказал, что вашего брата могли отравить. Но как это возможно, когда он ел только дома и только ту еду, которую готовил сам или приносили вы, я правильно понимаю?

– Нет, дело не в еде, – покачала головой Марина. – Когда врач говорит «отравили», он имеет в виду, что ему могли сделать какой-нибудь укол.

– А следы на коже?

– Виктору постоянно делали уколы. Так что…

– Предположим, убийца проник в квартиру и напал на него. Ваш брат не мог ходить, но ведь руки у него двигались. Почему он не оказал сопротивления? Вы говорите, он занимался спортом. Какого он был телосложения?

– Он был сильным, – задумчиво ответила Марина. – Не то чтобы мускулы качал, но все же. Я вам сейчас фотографию покажу.

Она полезла в сумочку и достала из кошелька небольшой снимок, на котором была запечатлена она сама рядом с высоким широкоплечим мужчиной. Он был симпатичным, но смотрел слегка исподлобья, губы сложены в едва заметную горькую улыбку. По этой улыбке Федор его и узнал.

– Ну и ну, – сказал он озадаченно. – Мы ведь с ним встречались. Как-то раз он приходил ко мне в магазин, говорил, что собирается продавать библиотеку.

– Серьезно? – Марина вскинула голову и словно вся засветилась. – А где ваш магазин находится?

– На Покровке.

– Да это почти что наш район! Витя в самом деле говорил о том, что хочет избавиться от книг. Решил, что откроет новую страницу жизни, все вокруг себя изменит… Библиотеку они начали собирать вместе с женой. Наверное, Витя хотел таким образом порвать с прошлым. Книги он покупал уже совсем другие, по истории.

– Он приходил два раза, – продолжал Федор, не сводя глаз с фотографии. – Оба раза мы разговаривали с ним чуть ли не больше часа, обо всем на свете.

Федор не стал объяснять, что на работе редко тратит столько времени на болтовню. Но с Виктором они как-то сразу нашли общий язык. Он производил впечатление человека неординарного – умного, начитанного, оригинально мыслящего. Сильного парня, которому судьба подставила подножку. Чувствовался в нем душевный надлом. Федор помнил, что даже обрадовался, когда клиент впервые, вот так же скупо, как на фотографии, улыбнулся.

Пообещав приехать на следующей неделе, Виктор внезапно исчез, и так больше ни разу и не появился в магазине. Федор несколько раз вспоминал о нем, смутно сожалея, что знакомство оборвалось. Теперь стало понятно – почему.

– Послушайте, Марина, – Федор хотел накрыть ее руку своей ладонью, но в последнюю минуту раздумал фамильярничать. Вдруг она взбрыкнет? – В смерти вашего брата следует разобраться.

Марина смотрела на него во все глаза.

– Вы что, хотите сами этим заняться? – недоверчиво спросила она.

– Но попробовать-то можно. Человек погиб, и если его действительно убили, получается, что всем просто наплевать.

Над столиком повисло молчание.

– Мне не наплевать, – наконец тихо сказала Марина.

– Значит, будем разбираться вместе. – Федор не удержался и все-таки дотронулся до ее пальцев.

– Только не думайте, – ответила она, осторожно высвобождаясь, – что я специально рассказала вам про своего немолодого мужа. Чтобы вас заинтересовать.

Федор улыбнулся во весь рот. Было ясно, что она согласна начать разбираться.

– Если бы вы сказали – старый муж, это был бы аванс. А вы сказали – известный врач, на семнадцать лет старше. Прозвучало очень солидно.

– Ну, раз мы внесли ясность в наши отношения, я готова вас выслушать. Что вы собираетесь делать?

– Хочу снять квартиру, – быстро ответил Федор.

– Квартиру Виктора?

– Вот именно. На месячишко. Посидеть у окна, побродить по двору, познакомиться с соседями… И еще я дам поручение своим служащим просмотреть каждую книгу из библиотеки вашего брата. Если там есть еще записки, мы их не пропустим.

– А что буду делать я? – Марину явно завел энтузиазм Федора.

– Вы разберете коробки в гараже и попробуете найти улику. Или хотя бы ежедневник, странички из которого я нашел в книге, идет?

Они ударили по рукам, допили кофе, и Федор расплатился по счету. Уже стоя на пороге кафе, он словно между прочим поинтересовался:

– А вы расскажете обо мне мужу? Обо мне и о нашей договоренности?

Марина посмотрела на него изумленно:

– Я об этом пока что еще не думала.

Многомудрый Федор двинул бровью и усмехнулся:

– Значит, не расскажете.

* * *

– Квартиру легче всего сдать без мебели, – объяснила Марина, остановившись в центре пустой комнаты. – Я не планировала говорить новым жильцам, что здесь кто-то умер…

– Не волнуйтесь, у меня крепкие нервы, – успокоил ее Федор. – И мебель тоже не проблема. Привезу раскладушку, пару стульев и ноутбук, этого мне будет достаточно.

Он заметил, что сегодня Марина надела нарядное платье и подвела глаза. Немедленно принял это на свой счет, хотя в глубине души таились сомнения: вдруг прямо отсюда она идет на встречу или в ресторан? Может быть, у ее дорогой мамочки именины или «очень известного мужа» награждают какой-нибудь почетной грамотой? Как бы то ни было, но выглядела Марина великолепно. Федор подумал, что в такую женщину он запросто мог бы влюбиться. Или уже начал влюбляться?

– И что вы будете здесь делать? – Марина подошла к окну и поправила легкую занавеску. – Смотреть во двор, как Виктор? Но ведь если его и вправду убили, то преступника поблизости давно уже нет.

– Кто знает, кто знает…

– Вы всерьез полагаете, что история с исчезающими мужчинами в костюмах имеет отношение к смерти моего брата? – Марина повернулась к Федору лицом. – А как же убитая девушка?

– Пока что у меня нет ни одной версии, – признался тот. – Я побуду здесь, поразмышляю… Кстати, об этой убитой девушке надо разузнать поподробнее. Каким образом ее убили?

– Понятия не имею, – Марина передернула плечами. – Тетки у подъезда говорили, будто на нее напал маньяк. По другой версии, ее ударили по голове и отняли сумочку. А удар оказался смертельным…

– Хм, вопрос важный. Его следует прояснить в первую очередь.

– И как вы будете прояснять?

Федор этого пока еще не знал, но виду не подал.

– У меня есть связи, – туманно пояснил он. – Плохо то, что вы в вещах Виктора ничего для нас интересного не нашли.

– А знаете что? Давайте я привезу вам коробки прямо сюда? Вы все увидите своими глазами. Вдруг я что-то пропустила? Аркадий… То есть мой муж уже интересовался, отчего это я повадилась ходить в гараж. У него, видите ли, было несколько свободных дней… «Как назло», – про себя добавила она.

– И что вы ему сказали?

– Не волнуйтесь, я всегда найду что сказать собственному мужу.

«Ну еще бы, – подумал Федор. – Это означает: не волнуйтесь, врать я умею». Отчего-то ему стало обидно, что Марина обманывает мужа, пусть по мелочи и даже ради благого дела. Впрочем, он ведь никогда не видел этого Аркадия. Возможно, тот противный зануда, которого легче обвести вокруг пальца, нежели заткнуть. Почему она тогда с ним живет? Потому что он такой известный? Ей на вид лет тридцать пять, а ему, выходит, полтинник с гаком? Не такой уж и старик, если разобраться».

Федор решил, что как только устроится на новом месте, сразу же поищет в Сети что-нибудь про известного доктора Аркадия Игнатова. Фамилию Марины он узнал еще накануне, когда заключал с ней договор. Она хотела пустить его просто так, без денег и документов, но Федор уперся. «Я заплачу вам за месяц, и точка, – не допускающим возражений тоном заявил он. – Позже скажете мужу, что случился форс-мажор и квартирант внезапно съехал. Зачем нам с вами лишние сложности?»

Так что теперь он чувствовал себя не каким-то там авантюристом, а полновластным хозяином положения. «Плати за все, что хочешь получить, и окажешься на коне», – подумал Федор. Конечно, в его сознании немедленно промелькнула эпохальная мысль о том, что не все купишь за деньги, но он прогнал ее как непозитивную.

Еще ему ужасно хотелось пригласить Марину на обед, но это было все равно что бросать камушек в темный пруд. Неизвестно, как она к этому отнесется. И второй попытки может не быть. «Нет, лучше немного подождать, – решил Федор. – К женщине, которая по-настоящему нравится, лучше подходить осторожно, а не нестись на нее с шашкой наголо».

– Ну что ж, квартиросъемщик, – улыбнулась Марина, – надеюсь, вы будете держать меня в курсе дела. А коробки я вам сегодня же перешлю.

Вместо ответа Федор подошел и поцеловал ей руку. Вообще-то он редко выкидывал такие фокусы, только если на горизонте появлялась какая-нибудь ископаемая наследница русских дворян с библиотекой, способной заинтересовать любой музей мира. Тогда он начинал ходить вокруг нее гоголем и демонстрировать прекрасные манеры. Что касается Марины, тут он поддался эмоциям, и не прогадал – ей было приятно, это и дурак бы заметил.

Оставшись один, окрыленный Федор сделал круг по комнате и, естественно, остановился возле окна. Отюда открывался самый банальный вид. Соседний дом был прямо по курсу. В некоторых квартирах можно было даже различить двигающиеся фигуры.

Федор снова вспомнил хичкоковский триллер. Там человек в инвалидном кресле раскрыл убийство женщины, наблюдая за соседом. А тут убит сам инвалид! Наверняка убит. Да еще эти странные записи о пропадающих в подъезде напротив мужчинах…

Федор подумал, что записи о неизвестных в костюмах как-то странно прерываются, и сразу появляется запись о том, что «Он все понял». Кто такой этот «он»? Человек, который живет в соседнем доме? И который наконец заметил, что за ним кто-то наблюдает? Или за ним, или за его исчезающими гостями.

* * *

На следующий день Марина прислала курьера с обещанными коробками. Федор уже завез в квартиру все, что планировал, и устроился с удобствами. Для того чтобы работа в магазине шла своим чередом, ему нужны были лишь телефон и компьютер. Кроме того,

он не собирался сидеть тут безвылазно. Отчего-то ему казалось, что расследование станет продвигаться стремительно. И лишь когда первая коробка с вещами Виктора была вскрыта и тщательно исследована, в сердце Федора закрались первые сомнения. Вдруг он ничего не найдет? То есть совсем ничего? И наблюдение за соседним домом закончится пшиком? Возможно, маньяк, заманивавший к себе мужчин в деловых костюмах, уже угомонился? Или уехал на дачу до следующей весны…

А что, если Виктор, ожидая, пока кто-нибудь из мужчин выйдет из соседнего подъезда, заметил что-то совсем-совсем другое? Ведь нельзя же забывать и об убитой девушке. Но что он мог заметить? Почему счел это важным?

Федор встал возле окна и принялся внимательно изучать окрестности. Кроме дома напротив в поле его зрения попадало еще одно здание, справа. Ближе всего находился вход в магазин бытовой химии «Чистюлюшка», в витрине которого были выставлены образцы товаров. Над образцами красовались плакаты со слоганами, которые наверняка сочинил некто, нанюхавшийся стиральных порошков. «Постирай бельишка таз и почисти унитаз», «Если парень ты веселый, покупай шампунь для пола», «Крем для чистки ванны для Тани и для Анны». От такой поэзии Федор немедленно содрогнулся. Сам бы он не пошел в такой магазин ни за какие коврижки. Возможно, там даже кассиры говорят стихами.

Вторым видимым объектом была аптека, дверь в нее постоянно открывалась и закрывалась. Вероятно, в этом районе она была единственной и пользовалась популярностью. Высунувшись из окна, Федор поглядел в другую сторону, но увидел лишь забор детского сада – глухой и недружелюбный.

Как ни крути, а дом напротив казался Федору приоритетным. «Допустим, убийца действительно проживает по соседству, – принялся размышлять он. – Нужно будет очень внимательно наблюдать за жильцами. Ведь Виктор смотрел просто так, от нечего делать. А я веду расследование».

Ночью, ворочаясь на раскладушке, Федор представлял, как будет сидеть с друзьями и знакомыми в ресторане или клубе и, поигрывая кубиками льда в стакане с выпивкой, небрежно скажет: «Со мной тут история приключилась. Купил я одну библиотеку и нашел в книжке подозрительную записку. Стал выяснять, кто ее написал, и узнал, что человека этого недавно убили. Полиция убийцу даже искать не стала, и я решил, что сам его найду. И ведь нашел!»

– Моими бы устами да мед пить, – пробормотал Федор, переворачиваясь на другой бок.

Потом лег на спину и открыл глаза. За окном было почти совсем темно, луна нырнула в темный омут и увела за собой звезды, лишь где-то справа, на краю двора, Федор знал, светятся вывески магазина и аптеки, и угрюмый фонарь цедит мертвенный свет на детские качели. От этого света, идущего снизу, двор казался колодцем, полным сосущего страха. Федор закрыл глаза, но свет вползал под веки и тянул к себе. Тогда, отбросив легкое покрывало, доморощенный сыщик вскочил и прошлепал к окну.

Дом напротив был темен, и лишь в одном окне – этажом ниже – кто-то ходил за тюлевой занавеской с зажженой свечой. Свеча двигалась вперед и назад, то всплывая вверх, то соскальзывая к самому полу. Огонек был маленьким, вздрагивающим, и кроме мутно-серой фигуры, державшей свечу в руках, разглядеть ничего было нельзя. Как завороженный, Федор простоял минут десять неподвижно, вглядываясь в пятнистую темноту комнаты, где свеча плела затейливые узоры. «Интересно, что это такое? – думал он. – Может быть, какой-то ритуал? А что, если это и есть та самая квартира? И там устраивает свои сборища какая-нибудь секта?»

Потом он на секунду отвлекся, и свеча тут же погасла, словно двигалась до сих пор только для него. Федор немного подождал, запомнил окно и снова лег на раскладушку. Сон еще долго не шел, но в конце концов все же накрыл его нежным шелковым платком.

Утром он проснулся отдохнувшим, сделал короткую зарядку и быстро принял ледяной душ. После чего устроился с ноутбуком возле окна. Было раннее утро, и дом выплюнул во двор первую порцию жильцов – тех, что шли на работу. Потом, после небольшого затишья, из подъездов посыпались старушки, вопящая детвора и мамаши с колясками. Внутрь пока никто не заходил, за исключением той же малышни, которая сновала туда-сюда как заводная.

И вдруг Федор заметил блондинку в коротком платье, которая фланирующей походкой направлялась к подъезду напротив. Она вошла во двор с улицы, со стороны аптеки и «Чистюлюшки», замедлила шаг и сверилась с бумажкой, которую держала в руке. В другой ее руке была маленькая переноска. Вероятно, внутри находилось нечто размером гораздо меньше кошки и уж тем более собаки. Возможно, морская свинка, крыса или хомяк.

Федор с любопытством проследил за тем, как девушка, еще раз сверившись с бумажкой, набрала код и скрылась в подъезде. «Искала адрес по бумажке. Вероятно, какому-нибудь ребятенку родители на день рождения решили подарить мелкую зверушку, – подумал Федор. – Теперь через Интернет можно заказать что угодно, даже домашнего питомца». Про девушку он немедленно забыл, тем более что позвонили из магазина и пришлось некоторое время висеть на телефоне.

Однако часа примерно через два во двор вошла еще одна девушка с переноской в руке, теперь уже брюнетка. «Надо же, как забавно. У нас что, пошла мода на грызунов?» – подумал Федор и через минуту уже вновь углубился в работу, не забывая поднимать голову всякий раз, когда во двор кто-то входил. Пока что ни один человек не вызвал у него подозрений. Федор был собран и спокоен… До тех пор, пока на улице не возникла еще одна девушка с переноской в руке. Не успел он и глазом моргнуть, как она исчезла в подъезде напротив.

«А ведь первые две оттуда так и не вышли, – сообразил Федор. И вдруг ужаснулся: – Со мной происходит все в точности как с Виктором! Он видел мужчин в костюмах, которые исчезали в соседнем доме. А я вижу девушек с клетками для грызунов! К кому они пришли? Что они там делают? Устраивают крысиные бега? – Он вспомнил ночной танец свечи и удивился: – Приносят грызунов в жертву какому-нибудь демону?»

Решив, что следующую девушку он ни за что не упустит, Федор сунул ноги в мокасины и рванул вниз. Однако его энтузиазм не был вознагражден. Часа три он слонялся по двору, два часа сидел в машине, слушая музыку, но ни одной подходящей девушки больше так и не увидел. Разочарованный, Федор поднялся обратно в квартиру, и как только подошел к окну, увидел закрывающуюся дверь в подъезде напротив. В двери мелькнула хорошенькая мордашка и… переноска!

По закону подлости очередная девушка появилась в тот момент, когда он сдался! Снова выскочив на улицу, Федор покрутился по двору, и тут из загадочного подъезда вышли двое мальчишек лет двенадцати.

– Эй, пацаны, – сказал Федор, чувствуя себя ужасно неуютно.

Вдруг за ними из окон наблюдают бдительные мамки да няньки? Они немедленно примут его за растлителя малолетних. А что? Шатается по двору, заговаривает с детишками. Пацаны остановились и выжидательно посмотрели на него.

– Вы девушку с клеткой для животных тут случайно не видели?

– Видели, – ответили ребята одновременно. – В ней хомяк, – добавил один из мальчиков оживленно. – Такой маленький, его одним пальцем раздавить можно.

– Тетенька дала нам посмотреть. Мы хотели его потрогать, но она торопилась, – они переминались с ноги на ногу и шныряли глазами по сторонам.

– А эта тетенька здесь живет?

– Не знаю, – сказал один из пацанов. – Вроде не живет.

– А в какую квартиру пошла эта тетенька? – тотчас задал Федор мучивший его вопрос.

– Мы не видели! – воскликнули мальчишки и опрометью бросились бежать.

– На каком хоть этаже вы хомяка смотрели? – крикнул им вслед Федор. – На втором? На третьем?

– На первом! – бросил через плечо один из пацанов. И оба они скрылись за углом дома.

«Отлично, – думал Федор, возвратившись в квартиру. – У нас в активе четыре девушки. Они входят и не выходят. Возможно, все они живут в этом подъезде, просто одновременно решили купить себе хомяков. Все это ужасно глупо».

Он убеждал себя, что все это ужасно глупо, примерно до полуночи. Ни одна из девушек так и не появилась. Конечно, они могли выйти все вчетвером как раз в тот момент, когда он бегал в туалет. Но Федор отлично помнил записи Виктора, который рассуждал примерно так же. Именно из-за этих записей Федора и точил червячок страха. С ним происходит все то же самое, что и с человеком, которого недавно убили. Убили здесь, в этой квартире, между прочим.

Он позвонил на свой городской номер и оставил на автоответчике сообщение о девушках с хомяками. Так, на всякий случай. Потом придвинул кресло к окну таким образом, чтобы видеть подъезд напротив. Через пару часов к нему подкралась дрема, и сквозь эту дрему он вдруг подумал: «А что, если Виктор тоже следил за подъездом, а увидел что-то совсем другое?» Мысль эта посетила его уже во второй раз, но задела краешек сознания и исчезла. Федор встал, помахал руками и включил ноутбук. Нет, он не даст себе заснуть, ни за что. Если уж ввязался в такое дело, надо подходить к нему серьезно.

В десять утра он, невыспавшийся, встрепанный и злой, сел за руль и поехал в большой зоомагазин, где торговали живностью. План его был простым: купить хомяка и обойти все квартиры в подозрительном подъезде, показывая этого хомяка всякому, кто откроет дверь. Тот, к кому приходили девушки, наверняка чем-нибудь себя выдаст.

В витрине магазина стояли клетки с шиншиллами, кроликами, крысами и – о радость! – хомяками. Еще одну клетку с хомяком Федор обнаружил прямо в зале. Клетка была похожа на птичью, и хомяк висел на прутьях, схватившись за них всеми четырьмя лапками. Добрый Федор сунул в клетку палец, решив пощекотать малышу брюшко, но едва дотронулся до него, как хомяк завопил нечеловеческим голосом на весь магазин. Федор отпрыгнул от клетки и вытаращил глаза. Он в жизни не слышал, чтобы хомяки так орали. Из-за полок с кошачьим кормом появилась продавщица.

– Я его только потрогал, – сообщил Федор, глядя на подлое существо, которое уже свалилось вниз и сидело на заднице посреди клетки.

– Это очень нервный хомяк, – сказала продавщица. – Возможно, в детстве его напугали. Или отлавливали неправильно – доставали из клетки рукой в перчатке. А это же стресс!

Федор представил, что его самого отлавливают рукой в перчатке, и согласился, что это, безусловно, стресс.

– Хотите купить? У нас сегодня скидка на опилки.

Федор поднял клетку и с сомнением посмотрел на хомяка. Для проведения разведоперации годился, в сущности, любой хомяк, даже с расшатанной нервной системой. Этого хотя бы не нужно было пересаживать.

– И возьмите вот этот корм. Тут семена подсолнечника, лущеный овес, кукуруза, арахис, желтое просо и морковка, – продавщица перечисляла ингредиенты с таким удовольствием, словно собиралась скормить всю коробку непосредственно Федору.

– Ладно, – соглсился тот и взял коробку, чтобы не выглядеть в ее глазах уморителем грызунов.

– Вы для кого покупаете? – привязалась продавщица. – Для детишек?

– Для себя, – ответил тот. – Хочу скрасить свой холостяцкий быт. Собак я боюсь, кошек не люблю, так что хомяк вполне сгодится.

Упоминание холостяцкого быта зарядило продавщицу недетским энтузиазмом. У нее загорелись глаза, но добыча, махнув рукой, подло ускользнула.

Сэкономив тридцать рублей на опилках, Федор вывалился из зоомагазина, рысцой добежал до машины и поставил клетку на заднее сиденье. Завел мотор и тронулся с места. Через пять минут стало ясно, что хомяк пованивает.

– Потом отнесу тебя обратно, – пообещал ему новоиспеченный хозяин. – Вместе с лущеным овсом и опилками. Отдам бесплатно. Будем считать это тратой на реквизит.

* * *

Федор дождался восьми часов вечера, когда большинство людей уже вернулись с работы домой. Обход предстояло начать с первого этажа.

Федор полагал, что, как только наткнется на «нужную» квартиру, ему все сразу станет ясно. Главное, чтобы открыли дверь. Возможно, он лицом к лицу встретится с маньяком или главой секты. А хомяк послужит раздражающим элементом. Он должен вызвать какую-нибудь реакцию, несомненно.

В подъезд Федор проник вместе с двумя старушками, тащившими из магазина сетку картошки. Вызвавшись помочь, он проводил их до квартиры на втором этаже и мысленно вычеркнул эту квартиру из списка. Решив положиться на удачу, спустился вниз и приступил к операции.

В первую дверь пришлось стучать, потому что звонка просто не оказалось в наличии. На стук долго не открывали, потом замок все-таки щелкнул, и на пороге возник мужик в трусах и майке со свекольным лицом и бычьим взглядом.

– Заказывали? – спросил Федор протокольным голосом и поднял клетку повыше.

Мужик некоторое время тупо смотрел на хомяка, потом неожиданно улыбнулся редкозубым ртом.

– Гы, – сказал он радостно, – канарейка!

И крикнул в гулкую пустоту квартиры:

– Колька, нам закуску принесли!

Сообщив, что он ошибся дверью, Федор позвонил в следующую квартиру. Вышла мать семейства, на которой висело штук пять ребятишек. Клетка привела их всех в дичайший восторг, так что Федору с хомяком пришлось спасаться бегством. Третья, четвертая и пятая квартиры его откровенно разочаровали. Дверь шестой открыла женщина бальзаковского возраста в неглиже. Она сразу дала понять, что хомяк может заинтересовать ее только вместе с Федором. Пришлось еще раз соврать про ошибку и улизнуть подобру-поздорову.

Наконец, Федор оказался у той самой квартиры, в которой вчера заметил танцующую свечу. Собравшись с духом, он позвонил. Словно предчувствуя недоброе, хомяк издал короткий писк и быстро забегал по клетке. Послышались шаркающие шаги, и Федор вообразил, что сейчас на пороге появится старуха-гадалка со свечой в руке.

Щелкнул замок, и перед Федором возник тощий тип с залысинами и кривой улыбкой. Некогда перебитый костистый нос тоже казался кривоватым. Тип был в красном шелковом халате и черных носках. Глаза у него странно блестели. Из квартиры несло благовониями, как из магазинчика этнических товаров. Некоторое время мужчины молча таращились друг на друга.

– М-м-м, – наконец подал голос хозяин квартиры. – Человечьим духом пахнет. – Блеск в его глазах усилился.

«Он полоумный, – догадался Федор. – Что делать? Может, треснуть его хомяком по голове, ворваться в квартиру и посмотреть, там ли девушки? Живы ли они? Впрочем, нет.

Вдруг он там не один такой? Навалятся на меня, и пиши пропало. Говорят, сумасшедшие отличаются недюжинной силой. Даже хилые».

– Я принес хомяка, – сообщил Федор. Поднял клетку и показал грызуна.

Странный тип бросил взгляд на зверушку, потом перевел его на гостя.

– Но вы не девушка, – сказал он с некоторым сомнением в голосе.

– Не девушка, но хомяк при мне. Вам же нужен еще один хомяк?

Федор сказал «еще один», тем самым давая понять, что знает о предыдущих четырех. То есть забросил удочку и стал смотреть, заглотит ли рыба наживку. Рыба долго думать не стала.

– Был нужен, да уже взяли, – тип попытался закрыть дверь.

Однако Федор ловко подставил ногу, рискуя испортить любимые мокасины, и схватился за дверь свободной рукой.

– А может, и я на что сгожусь? – спросил он, кряхтя.

Тип тотчас перестал напирать и, задрав брови, окинул Федора неожиданно заинтересованным взглядом.

– Может, и сгодишься, – ответил он и быстро отступил в коридор. После чего поманил Федора пальцем. – Заходи, сейчас мы тебя протестируем.

Однако Федор, не будь дураком, в опасную квартиру не пошел.

– Где они? – спросил он так грозно, будто обладал правом и силой, чтобы задавать подобные вопросы.

Хомяк в клетке издал воинственный писк.

– Где, где? Сидят, морковку жрут, – ответил тип, гнусно ухмыльнувшись.

– Я имею в виду девушек.

– Я про них и говорю. Фигуры берегут. Фигура для актрисы – это ее хлеб. Поэтому настоящего хлеба они годами не видят.

– Актрисы? – озадачился Федор. – А вы кто такой?

– Я Тарасов. Режиссер. К вашим услугам, – хозяин квартиры поклонился, шаркнул ножкой в носке и сделал широкий приглашающий жест рукой. – Может быть, все-таки войдете? Кто вас прислал? Это прикол такой, мужика с хомяком мне подсиропить, или вам работа до зарезу нужна? Без денег сидите, а? Могли бы войти в образ, парик надеть, чулочки…

Федор почему-то сразу поверил в то, что Тарасов не врет. И эта сумасшедшинка в его глазах не оттого, что у него в голове что-то перемкнуло, а исключительно из-за творческого вдохновения. Полоумный режиссер, а не полоумный маньяк. Это кардинально меняло дело. Впрочем, еще неизвестно, что он здесь снимает. Не иначе порнуху какую-нибудь.

– Эй, девицы-красавицы! – неожиданно гаркнул Тарасов, – покажитесь добрым молодцам.

Послышалось хихиканье, и через минуту позади режиссера нарисовались четыре нимфы. Одна обняла Тарасова сзади за шею, другая взяла его под локоток и приникла к плечу. Третья и четвертая – обе блондинки – улыбались рекламными улыбками, вероятно на всякий случай.

– Здрасьте! – нестройным хором сказали они. – Ой, хомячок! Какой заинька! Как его зовут?

Смотрели между тем нимфы вовсе не на зверушку, а на самого Федора, причем весьма заинтересованно.

– Не знаю, как зовут, но нервы у него ни к черту, – ответил тот, несколько растерявшись от такого внимания к своей персоне.

– Вот! – поучительно сказал Тарасов. – Даже у хомяков нервы ни к черту. Стресс добрался и до братьев наших меньших. Хомяки теперь как люди. Ну что, девчонки, посмотрим, каков этот парень в деле? Кстати, как вас зовут? Мне кажется, я вас где-то видел.

– Федор Буколев. Вряд ли вы меня где-нибудь видели. Если только в книжном магазине.

– А кто снял «Книжный магазин»? – мгновенно спросил Тарасов. – Впрочем, это все ерунда, пойдемте на нашу импровизированную съемочную площадку. Не обращайте внимания на мой халат – я только что принимал ароматную ванну. Общество вынудило меня… Обычно я не моюсь во время съемок, чтобы не смыть удачу, но девчонки объявили бойкот. Надел новые носки, видите ли…

В квартире кроме Тарасова и девушек оказался еще и человек с камерой – невысокий, кряжистый, с копной кудрявых черных волос, весь обросший щетиной. От него несло какой-то тяжелой восточной дрянью, казалось, этот запах пропитал его насквозь. Глаза у него были умными и усталыми.

– Дмитрий Крутиков, оператор, – представился он и пожал Федору руку.

Тот удержался от искушения сразу же после этого понюхать свою ладонь – он готов был биться об заклад, что теперь тоже пахнет сандалом.

– Вы что же, кино снимаете прямо здесь, в своем собственном жилище?

– Это не то кино, о котором вы подумали, – ответил Крутиков. – Не полнометражное. И даже не сериал. Это особый кинопроект. Киноинсталляция, можно сказать.

– Артхаус? – проявил осведомленность Федор. – В общем-то я не удивлен. Прочитал недавно в Интернете, что открылся кинофестиваль картин, снятых мобильниками. Кстати, а где хомячки? – спросил он, повертев головой.

– Вон они, – ответил Тарасов, – все клетки вдоль стены. Хотя, по-хорошему, лучше бы их на кухню перебазировать. Девчонкам нравится кормить маленьких тварей зеленым горошком и салатными листьями. Ну-с, господин Федор Буколев, давайте на вас поглядим. Дима, сними его с обнаженным торсом. У меня появилась идея – сделать «Год хомяка» немного более фривольным. Ну? Что скажете, друзья мои?

Девушкам идея явно понравилась, поскольку им понравился Федор. Они хотели взглянуть на его голый торс.

– Может быть, сначала вы представите меня дамам? – спросил Федор с улыбкой. – Кстати, а вы тут в мае месяце не снимали никаких фильмов? Где требовались бы мужчины в костюмах с большими пакетами в руках?

Тарасов посмотрел на него изумленно, но ответить ничего не успел, потому что начали звонить в дверь. И звонили так настойчиво и длинно, что не отреагировать было просто невозможно.

– Кто там? – крикнул Тарасов, одной ногой ступив в коридор, а другую оставив в комнате.

Из-за двери глухо ответили:

– Открывайте, полиция!

Когда звонки прекратились, в дверь громко забарабанили.

– Что здесь забыла полиция? – поинтересовался Федор. Ему стало не по себе. Да и девушкам тоже. – Это очередной кастинг? Для фильма «Полицейский из Бирюлево-2»?

– Сложно сказать, – неопределенно молвил Тарасов, на лице которого появилась философская задумчивость. – Вообще-то я криминальные драмы и боевики не снимаю. Думаю, все-таки это настоящие полицейские, они ко мне частенько заглядывают.

– Частенько? – изумился Федор. – И в честь чего же?

– По самым разным поводам.

В дверь снова забарабанили.

– Вы обращали внимание, с каким пренебрежением блюстители закона относятся к частной собственности? – голосом адвоката на бракоразводном процессе возопил Тарасов. – Так лупят по двери, словно тут засел отряд «зеленых беретов».

Девушки, сбившись в стайку, испуганно наблюдали за происходящим.

– Открыли бы вы. А то ведь дверь выломают, – Федор с неудовольствием смотрел на режиссера. – Хомяков до инфаркта доведут. Они зверьки нежные, впечатлительные.

– Не стоит полицейских баловать, – небрежно махнул рукавом халата режиссер. – Необходима пауза, по Станиславскому. А то к хорошему быстро привыкают. В конце концов, я их не звал, и без того дел полно.

– Тарасов, откройте, надо поговорить, – снова раздалось из-за двери.

– Да они ведь не отстанут, – констатировал оператор. – Андрюх, ты уверен, что это полицейские?

– Не уверен. Могут быть варианты. Однажды квартиру штурмовали представители сексуальных меньшинств, возмущенные моей короткометражкой «Нелепость». Как-то националисты ломились – им не понравилось мое выступление в защиту однополых браков. И был еще смешной случай, когда дверь пытались взорвать.

– Хорошо, что ты выжил, наш гений! – пропела одна из девушек, самая высокая из всех. Тарасов был ниже ее на целую голову.

– Заряд оказался слабый, обошлось, – продолжал повествовать гений. – Потом узнал, что постарались женщины, не согласные с тем, как я освещаю тему матерей-одиночек.

– А как вы ее освещаете? – против воли заинтересовался Федор. – Если дело дошло до взрывов…

– Я считаю, их надо насильно выдавать замуж. Создать специальный государственный фонд.

– Денежный?

– Нет, отцовский. Согнать мужиков, которым надо в армию идти или которым сроки небольшие дали по ерундовым статьям. И предоставить выбор – армия, зона или женитьба. Ну, вроде альтернативной службы.

– А женщины-то как? – захохотал оператор, старательно не обращавший внимания на стук в дверь.

– Никак. Кто их спрашивать будет? Нужен законодательный акт, и никуда они не денутся.

– Ясно, почему вас хотели взорвать, – понимающе кивнул Федор.

Тут во входную дверь особенно сильно стукнули, и громкий голос заявил:

– Откройте, Тарасов, иначе будем вызывать повестками!

– Все-таки полиция, – удовлетворенно хмыкнул режиссер, почесав кончик своего кривого носа. – Как они некстати. Сейчас увидят меня в халате, девушек целую кучу, начнут версии строить.

– Можно подумать, никто не знает, что вы режиссер, – пожал плечами Федор.

– Да им плевать, кто я. Пытались уже мне притоносодержание пришить – не вышло. Участковый наш все старается. Да и соседи ему на меня постоянно жалуются. Чуть что в микрорайоне случится – он первым делом оперативников ко мне тащит. Не любит человек искусство, что поделаешь.

– Тарасов! – снова раздалось из-за двери.

– Сейчас, только смокинг накину! – закричал режиссер, срываясь на фальцет.

Подтянув носки и завернув рукава халата, он подскочил к двери, щелкнул замком и быстро отступил назад. В коридор тут же ввалились трое – один, средних лет, в штатском и двое молодых ребят с погонами сержантов. Они молча протопали мимо Тарасова и Буколева, обошли всю квартиру, не забыв заглянуть в туалет и ванную.

– Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь. Все мне ясно стало теперь! – немного фальшивя, пропел режиссер и попытался отбить чечетку, громко стуча пятками по ламинату.

Старший сердито посмотрел на него и сунул нос на балкон.

– Я квартиру не продаю, – крикнул ему в спину Тарасов, но ответа не получил.

Наконец вся троица вернулась в комнату. Вспугнутые барышни одна за другой упорхнули на кухню. Вслед за ними туда же нырнул и оператор. Слегка обалдевший Федор остался стоять где стоял – возле камеры на штативе.

– Кто эти девушки? – мрачно поинтересовался человек в штатском. Лет сорока, крепкий, с военной стрижкой и слегка пренебрежительной миной на лице. – У них есть паспорта?

– А у вас есть документики? – мгновенно отреагировал Тарасов. – Понятия не имею, кто вы такой.

– Следователь Зимин, – мужчина показал свое удостоверение.

– А где ордер на обыск? – Если Тарасов и злился, это было совершенно незаметно.

Федор поражался той вольности, с которой режиссер вел себя с представителями правоохранительных органов. Впрочем, если они действительно надоели ему как горькая редька…

– Мы пришли поговорить, а не делать обыск, – сердито ответил Зимин. – Хотя и следовало – не квартира, а какой-то…

– Дальше можете не продолжать! – театрально вскинул правую руку Тарасов. Левую он возложил на то место, где под халатом предполагалось сердце. – Спросите у ваших коллег, они вам расскажут, как я с триумфом отмел все попытки доказать, что я содержатель притона. Заодно было установлено, что тут не курильня опиума и не публичный дом.

– Ну и что же здесь такое? – угрюмо поинтересовался Зимин.

– Здесь творческая, блин, мастерская! – повысил голос Тарасов. – Мы тут творим, понимаете? И только я начал настраиваться на съемку, как вы явились и давай стучать! Как мне теперь себя успокоить?

После этой тирады Тарасов неожиданно для всех раскинул руки и стал плавно крутиться на месте. Полы его халата развевались, и, несмотря на смешные носки, режиссер удивительно походил на дервиша, исполняющего древний мистический танец.

– Да погодите вы! – нервно воскликнул Зимин. – Прекратите вертеться. Нам действительно надо с вами поговорить. Посоветоваться, в конце концов.

– А вот это другое дело, – воскликнул запыхавшийся Тарасов, которому танец дался с некоторым трудом. – Поговорить не проблема. Я всегда готов помочь властям, если это не противоречит моему кодексу чести и действующему законодательству.

Зимин насупился, но промолчал.

– Рассаживайтесь, дорогие гости. Можете садиться сюда и сюда, – предложил между тем хозяин квартиры, широко махнув рукавом. – Девушек звать не станем. Они существа тонко организованные. Когда вы на дверь бросались, у них у всех началась мигрень.

– А откуда у вас столько хомяков? – спросил Зимин, заранее наливаясь гневом. Вероятно, он предчувствовал, что ответ будет не таким простым и ясным, как ему хотелось бы. – Пять штук хомяков, зачем они нужны в таком количестве?

– Они размножаются с ужасающей быстротой, – ответил Тарасов.

– Да, и прежде чем мы приступим, объясните, кто все эти люди? – продолжал наседать Зимин.

– Охотно, – кивнул Тарасов, упал на диван и развалился на нем. – Дмитрий Крутиков, оператор, работает на всех моих картинах. Девушки – Елена Снегова, Ольга Иващенко, Ирина Губина, Лана Казарян. Дипломированные артистки, у нас сегодня кастинг. Кастинг, если вы не знаете, – это…

– Знаю, что такое кастинг, – холодно оборвал режиссера следователь. – Дальше.

– Теперь хомячки. Как зовут, ей-богу, не спрашивал…

Зимин сделал вид, что не расслышал последней фразы, и кивнул на молчаливо стоящего Федора:

– А вы, гражданин?

– Федор Буколев, – представился Федор с некоторой поспешностью. – Антиквар и букинист. Паспорт нужен? Или могу визитку дать.

– Нет необходимости. Вы зачем здесь?

– Хомяка принес, – не стал сочинять Федор. – Вон того, с черной полоской на спине. Джунгарская порода. Руками его лучше не трогать, людей он как-то не очень… Он был нужен для съемок.

– А что снимаем? – Зимин с откровенным сомнением взглянул на Тарасова, не ожидая от него ничего хорошего.

– «Пять хомяков и одна девушка», – быстро ответил тот.

– Так девушек четыре, – встрял в разговор один из сержантов.

– К завершению кастинга останется одна, – бодро отрапортовал Тарасов.

– Шустро вы, однако, с девушками разбираетесь, – как-то нехорошо усмехнулся Зимин. – Кстати, мы как раз пришли поговорить о девушках.

– Об этих? – небрежно кивнул в сторону кухни Тарасов. – Чего о них говорить? Честно вам скажу, сам еще не решил, кого оставлю.

– Не об этих, – раздраженно сказал следователь. – О других девушках, тоже артистках. И вы, Тарасов, знаете о каких! Так что нечего тут… Попросите всех погулять где-нибудь, пока мы беседуем.

– Нет, – твердо ответил Тарасов. – Мои сотрудники и так занимаются делами, но вы им мешаете. Можем пойти на балкон и покурить там. Вы курите, Зимин? Я так и думал. У вас черная аура, как у Саурона.

Судя по взгляду, который Зимин бросил на режиссера, он не знал и не желал знать, кто такой Саурон. Отправив сержантов на улицу, следователь достал пачку сигарет и шагнул на балкон. С молчаливого согласия хозяина квартиры Федор не покинул комнату. Вероятно, его все еще собирались снимать на камеру и поэтому не прогоняли. Дверь на балкон осталась слегка приоткрытой, и слышно было абсолютно все.

– Так о чем пойдет речь? – закурив длинную коричневую сигарету, поинтересовался Тарасов. – Что-то секретное?

– Никаких секретов, просто не хотел, чтобы нам мешали. Речь пойдет об убийстве Светланы Лесниковой.

Федор весь обратился в слух. Убийство! Кажется, он не зря купил хомяка и затеял разведоперацию.

– Господи, за что мне это? – тем временем возвел очи горе режиссер. – Когда бедную Светку убили, оперативники первым делом прибежали сюда. Я все как на духу им выложил. Это ведь наверняка есть в ваших протоколах! В мае, так же, как и сейчас, был кастинг. Только на другую картину. Я попросил девушек приходить сюда в мужских костюмах, чтобы сразу, с первого взгляда, понять, кто удачнее всего сумел перевоплотиться.

Напряженно слушавший Федор впитывал каждое слово. Так значит, мужчины в костюмах, за которыми наблюдал Виктор, были на самом деле девушками! И в больших сумках и пакетах у них наверняка лежала обычная одежда. Из квартиры режиссера они как пить дать выходили уже в своем женском обличье. Поэтому-то Виктор и решил, что мужчины исчезали. По крайней мере, одна загадка разрешилась.

– Я выбрал Светлану Лесникову и Ларису Евсееву. Как назло, они друг с другом не очень-то ладили. Но я велел им держать эмоции при себе. А через несколько дней Светлану нашли убитой в соседнем доме…

В голове Федора, который стоял, боясь шевельнуться, пронеслась мысль: «Интуиция меня не подвела насчет этой квартиры. Я попал в самую точку, пришел куда надо». Вот, значит, кем была девушка, погибшая в подъезде Виктора, – актрисой!

– Ларису Евсееву тоже убили после вашего кастинга, – бросил Зимин. – К тому же она играла в вашем спектакле.

Федор вздрогнул: еще одно убийство!

– Две жертвы, и обе с вами связаны. – Следователь курил крепкие сигареты, дым от которых упорно пробирался в комнату.

– Ларису убили на другом конце города, через неделю. Слушайте, я тут совершенно ни при чем. Это дурацкое совпадение. У меня, в конце концов, алиби.

– Все так, Тарасов, к вам претензий нет. Но мне только что передали это дело, и я хотел поговорить лично. Вдруг вы вспомнили что-то, детали какие-то…

– Одну деталь вспомнил, – неожиданно признался Тарасов. – Во время кастинга сюда пытался проникнуть некий молодой человек. Света выходила и разговаривала с ним на лестнице. Она сказала, что это ее приятель. Ревнивый, как черт знает что.

– Фамилию знакомого или имя она упоминала?

– Звала его Митей. Выходит, он Дмитрий.

– Почему сразу об этом не рассказали?

– Да забыл я! К тому же ревность – такой банальный мотив, если честно… Из-за этого сейчас не убивают. Деньги – иное дело. Бриллианты какие-нибудь.

– Сейчас поговорим и о бриллиантах, – мрачно пообещал Зимин.

– Имейте в виду, краденое я не перепродаю, что бы участковый вам ни напел.

– Да бросьте паясничать. Я просто хотел уточнить с вами одну любопытную деталь, на которую никто сначала не обратил внимания. Вот, смотрите.

Следователь достал из папки, которую все время держал в руках, стандартного формата лист и протянул его Тарасову. Тот с интересом уставился на него, а затем радостно воскликнул:

– Это же Лернер! Клавдия Лернер, актриса театра, в котором я поставил два спектакля и собираюсь ставить третий. Театр имени Коллонтай. Раньше он назывался РИСК – Театр революционного искусства. Лернер блистала в нем после войны.

У Федора голова пошла кругом. Черт побери! Каким обманчивым, оказывается, может быть первое впечатление. Сначала он подумал, что Тарасов – форменный псих, потом решил, что он снимает у себя на квартире порнушку. А теперь выясняется, что он театральный режиссер, а девушки – профессиональные актрисы.

– Погодите, это же обложка журнала. Ему уж лет эдак шестьдесят, – продолжал между тем Тарасов, склоняя голову то к левому плечу, то к правому.

– Почти угадали, – удовлетворенно произнес Зимин. – Старое издание «Театральных гастролей» за июль сорок шестого года. Театр, где тогда работала Лернер, выехал в Париж…

– Служила, – строго поправил Тарасов, – а не работала.

– Ну да. Артисты этого театра сыграли в Париже несколько спектаклей, был огромный успех.

– Как приятно, что наши следователи так хорошо разбираются в искусстве.

– При чем тут следователи? – вдруг обиделся Зимин. – Обратились к консультантам, театроведам, они дали справку. – Говорят, эта Лернер затмила даже лучшую французскую актрису.

– Сару Бернар? Вряд ли… Хотя не исключено. Тогда еще живы были люди, которые могли сравнивать. Но думаю, здесь преувеличение. Слишком разные театральные школы. Хотя Лернер обожала драму и многие роли исполняла в подчеркнуто утрированном ретро-

стиле. Наши критики ее периодически за это ругали, однако в Европе такое проходило на ура. Спектакли с Лернер всегда шли с аншлагом.

– Достаточно об этом, – оборвал его рассуждения Зимин. – Посмотрите внимательно на фото – вас ничего не смущает?

– Меня вообще смутить трудно, – буркнул режиссер, вновь принимаясь изучать изображение. – Красивая баба, ничего не скажешь. Стройненькая, а грудь…

– Да глядите лучше! – прикрикнул Зимин, теряя терпение. – На детали обратите внимание.

– Так я на детали и…

– Не на те детали.

– Ладно, посмотрю на те. Шляпка на ней какая-то не советская, видимо в Париже покупала, на командировочные. Или поклонники дарили, их, говорят, немерено было. Платье необычное, серьги, перчатки в руке держит, чтобы руки красивые показать. На левой руке браслет из листиков, а… Почему вы его обвели ручкой?

– Вот в том-то и дело, что не мы. Обложка этого журнала, сложенная вчетверо, была найдена в сумочке убитой Светланы Лесниковой. И браслет был обведен ручкой. Как вы можете это прокомментировать?

– Я?! – изумился Тарасов. – Никак не могу прокомментировать. Я журнала такого не видел, обложку не выдирал и ничего не обводил. И Лесникова мне эту фотографию не показывала.

Зимин затушил окурок в жестяной банке, которую Тарасов держал на балконе вместо пепельницы, и воззрился на хозяина квартиры:

– Тогда выскажите какое-нибудь предположение.

– Ну… Света была актрисой. Изучала историю театра. Вероятно, мечтала о славе Лернер. Может, хотела подражать в манерах, одежде, аксессуарах. Вполне естественное дело. А может, готовилась на схожую роль. Поговорите об этом в театре – вдруг там подскажут?

– Ладно, спасибо. Если что-то вспомните еще, звоните, вот мой телефон. – Зимин протянул визитную карточку. – И, пожалуйста, открывайте дверь, когда к вам приходят по важному делу. Иначе повестками будем вызывать.

– Лучше повестками, чем каждый раз ко мне в квартиру ломиться. Почему вы всегда так противно звоните и стучите?

– Привычка, – сказал Зимин, протягивая руку. – И попытайтесь найти общий язык с участковым, а то он вас за местного монстра держит.

Когда следователь с режиссером снова появились в комнате, Федор старательно делал вид, что изучает журналы. Не попрощавшись с ним и даже не обратив на него внимания, Зимин ушел, хлопнув дверью.

– Да уж, история, – сказал Тарасов Федору. – Боюсь, попав в сферу интересов следствия, так просто мне не отделаться. Еще этот гад-участковый постоянно подливает масла в огонь. Волнуюсь я. Ты же все слышал. Кстати, давай на «ты», мне так проще.

– Давай, – мгновенно согласился Федор. Он не планировал немедленно покидать квартиру Тарасова, учитывая открывшиеся обстоятельства. – Боишься, замордуют очными ставками? – спросил он.

– Хуже! Могут подставить. Особенно если мой друг-участковый не угомонится. Им позарез нужен убийца. Не разыщут реального – будут искать козла отпущения.

В этот момент из кухни появились девушки и раскрасневшийся оператор.

– Итак, ненаглядные мои, – хлопнул в ладоши Тарасов, – потеряно драгоценное время, давайте наверстывать. Что делать, каждая из вас знает. Оператор – к бою. Дима, тебе говорю! Слушай, тебя Митей в детстве не звали?

– Димоном звали. Еще Димулей, – ответил Крутиков.

– У Светы Лесниковой был какой-то кадр Митя.

– Слышал однажды, – ухмыльнулся Крутиков. – Они как-то у «Мосфильма» ругались здорово. Паренек щупленький, а голос, как пароходная сирена.

– Вот отдам тебя в следующий раз на съедение следователю, пусть на твоих показаниях версии строит, – проворчал Тарасов.

– А что, будет еще следующий раз? – ужаснулась одна из девушек.

– Обязательно, – обнадежил их Тарасов. – Без налетов полиции я и жизни уже не представляю. За работу, милые, за работу! Смотрите, не завалите софиты, а то прыгаете как козы.

Актрисы стали прихорашиваться, Крутиков засуетился возле своей аппаратуры, а Тарасов подошел к Федору и взял его за пуговицу.

– Слушай, раз ты не актер, а черт знает кто, я тебя снимать не буду. Без обид, хорошо?

– Без обид. Только прежде чем уйти, я должен тебе кое-что рассказать.

Теперь, когда Федор понял, что перед ним не антисоциальный элемент, а успешный театральный режиссер, он подумал, что тот может принести огромную пользу делу. Тарасов – бесценный источник информации, раз лично знал обеих погибших актрис. Надо с ним как-то договориться о сотрудничестве.

– Как ты думаешь, зачем я сюда пришел, да еще с хомяком? – спросил он.

Тарасов озадачился.

– Действительно, зачем? Из-за этого следователя у меня мозги вскипели. Я ведь хотел тебя спросить…

– Я следил за тобой. За твоей квартирой. А перед этим за ней следил кое-кто еще.

И Федор быстро и четко изложил Тарасову всю историю. Тот слушал рассказ про Виктора и буколевское расследование почти не перебивая.

– Мне кажется, оба этих дела связаны. Убийство Светланы и Виктора. И убийства обеих актрис тоже наверняка связаны. Так что у нас три убийства, совершенных предположительно одним человеком. Получается, мы с тобой теперь тоже связаны, – заключил Федор. – Такая вот неожиданность. Я с хомяком к тебе пришел, пытаясь найти зацепку, ниточку, чтобы размотать дело. А тебя тут следователи донимают… Вот я что предлагаю… Я буду и дальше искать убийцу, а ты мне в этом поможешь.

– Да у меня проект горит! – воскликнул Тарасов, с которого в один миг слетела вся его дурь. – Я тут могу танцы танцевать, ваньку валять, но это все мишура, на самом деле я ведь работаю.

– Так я тебя не в штат сыскного бюро зову, – напирал Федор. – У меня тоже бизнес. Будем отрабатывать версии в свободное время. Судя по всему, Виктор стал свидетелем убийства одной из твоих актрис. Ниточки ведут в мир театра и кино. У меня в этом мире связей никаких нет. Ты мне нужен, Тарасов. Ну, хоть ради памяти убитых девушек соглашайся. Ты ведь с ними работать собирался.

– Ладно, – вздохнул режиссер и почесал нос. – Только ты направляй, а уж я буду старательным доктором Хаусом…

– Кем-кем? – изумился Федор.

– То есть Ватсоном, конечно. Завтра, например, я совершенно свободен.

– Тогда завтра встречаемся в одиннадцать утра. Ты расскажешь мне все, что знаешь о Светлане Лесниковой и о той, второй, девушке, идет? А потом повезешь меня в театр, где они обе… как ты там сказал? Служили. И где некогда играла эта Лернер.

– Ты таки действительно подслушивал, – усмехнулся Тарасов.

– А ты как думал? В театре, как я понял, ты свой человек, верно?

– Ну, поставил два спектакля. Еще один собираюсь ставить. Может, меня вообще в штат возьмут.

– С тобой у меня, по крайней мере, затруднений на входе не возникнет, – прагматично заметил Федор.

– Там другие будут затруднения, – Тарасов хмыкнул, как будто предвкушал неприятности, которые могут возникнуть у его спутника. – Не знаю, что ты вынес из общения с коллекционерами старых книг, но из общения с артистами я вынес главное – они все постоянно играют. В жизни даже больше, чем на сцене. Выдумщики, каких мало. Кстати, забери хомяка, тут скоро дышать будет нечем. У нас своих четверолапых звезд хватает.

Всучив Федору клетку, Тарасов проводил его до двери. Девушки с сожалением попрощались с новым знакомым, одна даже подошла и поцеловала его в щечку, обдав запахом сладких духов. Тот мгновенно вспомнил, какие духи у Марины – свежие, чуточку горьковатые. Возможно, если бы не она, Федор не стал бы так углубляться в расследование. Но прийти к ней и сказать, что он все бросает, теперь казалось ему немыслимым.

* * *

– Знаете, я передумал, – сказал Федор, явившись с утра пораньше в зоомагазин и поставив клетку с хомяком перед давешней продавщицей. – У вашего хомяка явно не все дома. Ночью он сам с собой играл в индейцев и орал, как будто в него выпустили целый колчан стрел.

Кстати, это было чистой правдой.

– Обратно мы животных не принимаем, – строгим голосом заявила девушка.

Однако глаза у нее были веселыми, и Федор понял, что за свою свободу еще можно побороться.

– Я его бесплатно отдам, – пообещал он. – И опилки верну, вы сможете продать их во второй раз. Это ли не выгода для магазина?

– А вдруг он у вас за ночь чем-нибудь заразился? – передернула плечами девушка. – Мы не имеем права.

– Да чем он мог заразиться? – возмутился Федор. – Корью? У меня ни жены, ни детей, из окна на него не дуло… Мне вот неожиданно командировку предложили, и куда я с ним? Кроме того, он гадит чаще, чем лошадь. Его конюшню надо постоянно чистить, а у меня времени нет.

– Ладно, – смилостивилась продавщица, – вы совершили ошибку, больше так не делайте. Зверушки привыкают к людям, у них же тоже душа есть.

Федор с сомнением посмотрел на хомяка. Если у него и была душа, то она требовала только одного – бесперебойной подачи пищи. Хомяк жрал все утро, жрал, когда Федор остановился на бензозаправке, и теперь тоже жрал, сидя на свежих опилках и соорудив из щек два увесистых мешочка.

– Вот спасибо вам! По-моему, он за ночь даже растолстел немного.

– Просто у него еда за щеками, – засмеялась девушка. – Вы в курсе, что хомяк может за один раз принести в норку семьдесят горошин или целых двадцать виноградин?

– Да это же сплошное разорение, – пробормотал Федор. Взял девушкину руку и с чувством потряс. – Век не забуду. Если мне когда-нибудь потребуется консультация по зверскому поводу, обращусь именно к вам.

– Меня зовут Люда, – представилась девушка. – Это чтобы вы знали, к кому обращаться.

Федор позорно бежал из магазина, боясь, что вот сейчас его окликнут и под каким-нибудь предлогом вернут щекастого друга назад. Посмотрел на часы – уже пора было забирать Тарасова. Федор надеялся, что режиссер не передумал и действительно проведет его в театр, за кулисы, и поможет там оглядеться. Никакой конкретной цели у него не было да и

быть не могло: пока что на руках слишком мало информации для того, чтобы строить какие-то версии. Однако Федор полагался на врожденное умение ладить с людьми и на свое мужское обаяние. Немногие женщины оставались равнодушными, когда Федор пускал его в ход. Возможно, и на этот раз обаяние поможет ему разговорить кого-нибудь из тех, кто работает в театре. В театре полно хорошеньких девиц. Кроме того, нелишним будет воочию увидеть предполагаемых «фигурантов дела», если убийство обеих актрис, конечно, связано с театром.

Он сел за руль, завел машину и тронулся с места. Утро выдалось солнечным, свежим, рубашка не липла к телу, и Федор вдруг подумал, что, не ввяжись он в это расследование, сейчас уже сидел бы в полутемном помещении, занимался книгами под светом электрических ламп… Любимое занятие, по которому он, наверное, скоро соскучится.

Кажется, теперь, когда тайна исчезающих мужчин в костюмах раскрыта, смысла спать на раскладушке больше нет, но Федор не собирался дезертировать. Он решил оставаться в квартире Виктора до тех пор, пока дело не начнет проясняться.

К невероятному облегчению Федора, Тарасов уже ждал его возле подъезда. При свете дня и в нормальной одежде он выглядел другим человеком. Не сказать, что внешность его сильно изменилась, но в брюках со стрелками и яркой рубашке вид он приобрел вполне респектабельный.

– Ну, и что мы скажем, когда припремся в театр? – спросил он вместо приветствия, забираясь на пассажирское сиденье рядом с Федором.

– Я тоже рад тебя видеть, – усмехнулся тот. – Придумаем что-нибудь. Объяснишь, что я твой друг-антиквар, мне требуется посмотреть вещи в театральном музее. В театре есть какой-нибудь музей?

Пожалуй, если бы режиссер знал, насколько плохо Федор представляет себе, как вести расследование, он послал бы его ко всем чертям. Однако букинист, по своему обыкновению, держался самоуверенно, и он ничего не заподозрил. И, подумав немного, ответил:

– Есть завалящий. Две стеклянные горки в фойе с разного рода реквизитом. Кажется, имеется еще парочка старых платьев, их тоже иногда выставляют для всеобщего обозрения. Вот, собственно, и все.

– Положим, мне нужно будет подержать в руках старинные бинокли. Сделают тебе такое одолжение?

– Черт их знает, – честно признался Тарасов. – Я не ходил в любимчиках у администрации. Хотя главреж Зубов меня жалует. Надо будет заглянуть к нему поздороваться – он с утра обычно у себя. Пожалуй, если Зубов даст команду, тебе покажут все, что захочешь. Он там царь и бог. Что, впрочем, естественно.

– Пока мы в дороге, расскажи мне о смерти второй твоей актрисы, Ларисы Евсеевой, – попросил Федор.

– Почему это она моя? – мгновенно взъерепенился Тарасов. – Ты прямо как участковый.

– Я бы на месте полиции тоже тебя заподозрил, – признался Федор. – Сам посуди: ты устраиваешь кастинг для какого-то неформатного кино, приглашаешь актрис к себе домой. Являются пять или шесть штук, ты выбираешь двоих. Не проходит и двух дней, как одну из них убивают в подъезде соседнего дома. А через неделю за ней следует вторая. И хотя убили эту вторую совсем в другом месте, выглядит это подозрительно.

– Ну да. Подозрительно, – вынужден был согласиться Тарасов. – Но все равно я тут ни при чем. Может быть, какой-нибудь другой актрисе страстно хотелось у меня сниматься, она взяла и укокошила тех, кого я выбрал. Или я уж не знаю…

– А что Светлана Лесникова делала в доме напротив?

– Ну, это следователи довольно быстро выяснили. В соседнем доме живет портниха, которая шьет на дому. А театр ведь находится неподалеку, в этом же районе. На всех окрестных столбах висят зазывалки: «Одежда по вашей фигуре». Вот Света и пошла по объявлению, платье хотела заказать. Актрисы ширпотреб из магазинов не очень-то жалуют. Каждой хочется надеть что-нибудь эксклюзивное. Так что это совсем неудивительно. После того как Света вышла от портнихи, ее и убили. На примерке она держалась как обычно, шутила, не проявляла беспокойства. Женщине не показалось, будто Света боится. Так что, скорее всего, нападение было внезапным. Ее ударили по голове чем-то тяжелым, орудие преступления не нашли.

– Ну а что со второй актрисой, Евсеевой? – Федор внимательно смотрел на дорогу. – Что тебе про нее известно?

– Я с ней работал на спектакле, – вздохнул Тарасов. – Красивая была девчонка. Глаза охренительные, голос – пальчики оближешь. Где-то в районе «Автозаводской» ее убили, через шесть дней после гибели Светы. Там построили новое офисное здание в шестнадцать этажей. Уже почти закончили отделку, собирались сдавать. Каким-то образом Лариса оказалась на крыше. И была она не одна, а с каким-то мужчиной. Сначала они просто разговаривали и прогуливались по крыше, смотрели в небо. Потом подошли к краю, и мужчина неожиданно столкнул Ларису вниз.

– И откуда все это известно? – недоверчиво спросил Федор. – На крыше здания работали видеокамеры?

– Да нет, ничего там еще не работает, даже лифты. Электричества нет. Просто на соседней крыше играли мальчишки. Они и позвонили в полицию. Поскольку расстояние от одной крыши до другой все же довольно большое, убийцу мальчишки описать не смогли. Ни роста, ни одежды, ни лица – ничего толком не разглядели.

– Это тебе следователь рассказал? – удивился Федор.

– Следователь. Только он ничего не рассказывал, он, наоборот, мне вопросы задавал. И еще меня запугивал. Так я по этим его вопросам и наскокам всю картинку и восстановил. – Тарасов внезапно прервал свою плавно льющуюся речь и посмотрел на Федора. – Ну, и что со всем этим делать? Как мы станем искать преступника?

– Давай попробуем в театре поговорить с людьми, вытянуть хоть какую-то информацию. Слухи, сплетни, домыслы – нам все пригодится. Ведь после гибели девушек полиция всех допрашивала, всплыли всякие детали, мелочи. Да и вообще об этих убийствах у твоих коллег наверняка сложилось какое-то мнение.

– Конечно, первое время в театре только об этом и говорили. Лишиться сразу двух актрис – это настоящая трагедия.

– Надо понять, что общего было у Светланы и Ларисы, – поставил задачу Федор. – Если, конечно, ты с твоим кастингом здесь ни при чем.

– Я ни при чем, – буркнул Тарасов.

– Тогда что, кроме участия в твоем проекте, могло их объединять? Да, они служили в одном театре, но почему убийца расправился именно с этими двумя актрисами? Что еще их связывало? Вот что нам предстоит выяснить в первую очередь.

Они свернули в переулок, к зданию театра, которое только недавно отремонтировали. Фасад так и дышал свежестью и казался удивительно нарядным.

– Вон там служебный вход, – показал Тарасов и неожиданно признался: – Я про твой магазин в Интернете прочитал. Хороший у тебя бизнес, интересный. Обязательно приеду к тебе в старых книгах покопаться.

– Я про тебя тоже информацию в Сети поискал. Слушай, ты же театральный режиссер, почему вдруг какое-то кино?

– Экспериментирую, – коротко ответил Тарасов, остегивая ремень безопасности. – Не хочу, чтобы мозги засахарились от сладкой жизни.

– А она у тебя сладкая? – усмехнулся Федор, выходя из машины и пиликнув сигнализацией.

– Была сладкая, до тех пор, пока я с участковым не познакомился, – пробормотал режиссер. – Ладно, идем. Смутно представляю себя в роли сыщика. У людей, между прочим, репетиции, все заняты. По театру просто так никто не фланирует.

– Ну, нас же не только актеры интересуют, – не согласился Федор. – В театре есть и другие полезные для нас люди – администраторы, уборщики, техники, звукооператоры, художники-сценографы… Кого-то же из них мы застанем на службе? В общем, сориентируемся на месте.

Уже через пару минут они, благодаря Тарасову, благополучно миновали охранника, поднялись на второй этаж и оказались в длиннющем коридоре, освещенном лампами в круглых толстых плафонах с рифленым стеклом. Из-за этого стекла свет рассыпался блестками, что показалось Федору удивительно красивым. Все-таки театр есть волшебство, и оно зачастую скрывается в деталях. Никогда прежде он не был в служебных помещениях и теперь с любопытством оглядывался. Ничего особенного, впрочем, вокруг не наблюдалось, особенным театр делали люди, которые здесь работали.

– Сначала зайдем к Зубову, – бросил Тарасов через плечо. – Видишь, вон дверь в его кабинет открыта, значит, сам на месте. В нашем театре он и художественный руководитель, и главный режиссер. Одним словом – небожитель.

Тарасов возглавлял их маленькую процессию, заставляя Федора семенить, поскольку его длинные ноги шагали гораздо шире, чем режиссерские. Впереди по правую руку действительно виднелась открытая настежь дверь, из-за нее доносились голоса. Возле двери, так, чтобы его не видно было из кабинета, стоял высокий седой старик с тростью. Длинное лошадиное лицо с крупным носом, глаза под тяжелыми веками, мощные руки, лежавшие на набалдашнике, – все это заставило Федора поверить, будто это и есть главреж. Однако Тарасов шепотом пояснил:

– Тройченко, почетный директор театра. Ну, ты понимаешь, почетный – значит уважаемый, но списанный по возрасту. Практически местное привидение – появляется когда и где хочет, может разгуливать по всему театру, на него никто давно не обращает внимания.

Федор подумал, как это можно не обращать внимания на такого огромного деда, но сказать ничего не успел – они подошли уже слишком близко. Из кабинета между тем донесся до них сильный женский голос, страстно что-то говоривший.

– День добрый, Игорь Акимович, – вполголоса поздоровался Тарасов. – Сам занят?

– Да вот, актриса у него, – ответил старик густым низким голосом. – Скандалить изволят.

– Которая актриса? – Тарасов пока еще не пытался заглянуть в кабинет, да и Федора держал на расстоянии.

– Марьяна Гурьева, наша новая прима.

– Да ее же приглашали только на одну роль!

Старик повел кустистыми бровями:

– А теперь будет играть и другие роли, потому что ее просят остаться.

Тут Тарасов спохватился и представил:

– Кстати, мой друг Федор Буколев, занимается антикварными книгами и вообще… антиквариатом. Пришел посмотреть на театральные реликвии. А это Игорь Акимович Тройченко, почетный директор театра. Наш старейшина. Вождь племени, можно сказать.

Старик обнажил в улыбке крупные фарфоровые зубы, сделавшись неожиданно по-настоящему устрашающим. Эдакий щелкунчик, посредством темной магии увеличившийся

в размерах. А роль злого волшебника, надо думать, с успехом исполнил его стоматолог. «Наверное, в молодости этот Тройченко был чертовски красив, – подумал Федор. – Странно, что должность занимал административную. Если бы мне сказали, что он был ведущим актером, я бы сразу поверил».

Тем временем Марьяна Гурьева, актриса, находившаяся в кабинете, закончила свою пламенную речь и выскочила в коридор, решительно захлопнув за собой дверь. Федор охватил ее всю любопытным взглядом. Она была небольшого роста, субтильная, но с весьма выдающимся бюстом, красоту которого подчеркивала обтягивающая кофточка. Приятные черты лица, тонкий носик и родинка над верхней губой – не бог весть какая внешность, если бы не странная притягательная аура, окутывавшая ее, словно запах легких духов. То, как она двигалась, как смотрела, как наклоняла голову – все было удивительно приятным и заставляло сердце сладко сжиматься.

– Ах, здравствуйте! – воскликнула актриса, увидев перед собой всю честную компанию. – Тут, оказывается, очередь? Ну, так можете заходить.

– Подождите, деточка, – попросил Тройченко и взял Марьяну за запястье своей огромной узловатой клешней. – О каком таком браслете вы там спорили с Зубовым?

– Боже мой, какая разница?! – воскликнула Марьяна, с усилием вырвавшись. – Самый обычный браслет! Я надевала его на премьеру.

– Но я слышал, что прозвучала фамилия Лернер.

Тарасов с Федором молниеносно переглянулись и теперь уже гораздо более внимательно посмотрели на актрису. Ее глаза горели праведным гневом.

– Зубов решил, будто браслет раньше принадлежал Лернер. Но все это чушь собачья. Откуда бы я его взяла, спрашивается? Обычный браслет, я его купила как-то по случаю в одном магазинчике… Он мне просто понравился! Не понимаю, почему я должна отчитываться за свои собственные покупки.

И Марьяна уставилась на Тарасова, словно только что его заметила. А может, так и было. Поглощенная своими переживаниями, она, кажется, до сих пор не видела ничего вокруг.

– Привет! – сказал режиссер и улыбнулся жабьей улыбкой. Его кривой нос уполз в сторону.

Вероятно, это была какая-то особая форма приятия, потому что Марьяна Гурьева Тарасову безусловно нравилась. Федор понял это с первого взгляда.

– И тебе привет, – бросила та. – Всем вам большой привет, а я ушла!

Она круто развернулась и удалилась по коридору, возмущенно стуча каблучками. Мужчины проводили ее задумчивыми взглядами.

– Игорь Акимович, ты первый, – Тарасов указал на кабинет.

Однако почетный директор наотрез отказался заходить.

– Да я, собственно, просто мимо проходил, когда услышал, как они ссорятся. Невольно стал прислушиваться. Мне вовсе и не надо к Зубову. А вы идите, идите… Помощница Владислава Арсеньевича руку сломала, так что доступ к телу свободен.

Старик развернулся и двинулся в том же направлении, что и Марьяна Гурьева. Актриса уже скрылась, но у Федора создалось впечатление, будто Тройченко намерен ее догнать. Шел он поспешно, и его трость издавала зловещий стук.

– Пойдем, – предложил Тарасов Федору. – Раз уж пришел в театр, надо засветиться у главрежа, это обязательная процедура, как омовение рук перед обедом. Пусть уж он нас благословит, и тогда мы побродим по коридорам.

Он побарабанил по двери костяшками пальцев и, услышав приглашение войти, переступил порог. Федор шагнул в кабинет вслед за ним. За большим столом у окна сидел человек удивительной внешности. Его лысина, как карта мира материками, была покрыта стар-

ческими пятнами. «Весь в фоксах, – усмехнулся про себя Федор. – Как настоящий раритет». Лисьими пятнами или, на жаргоне коллекционеров и реставраторов, фоксами, назывались рыжеватые или бурые пятна на листах старой бумаги. «Люди тоже окисляются со временем», – решил Федор.

Впрочем, если бы не эта пятнистая лысина, Зубову никто не дал бы его лет. Когда он поднялся навстречу гостям, Федора поразила его подтянутая фигура. Да и вообще весь он дышал свежестью и силой. Здоровый цвет лица, ясные глаза, красивые руки…

– День добрый, Андрей, – поприветствовал режиссера Зубов. – Кого это ты мне сегодня привел?

Он говорил как людоед, ожидавший на завтрак очередного грибника.

– Федор Буколев, прошу любить и жаловать, – гундосым голосом ответил Тарасов. – Занимается антиквариатом.

– В основном книгами, – подсказал Федор и выдвинулся к столу, протянув руку для рукопожатия.

Зубов энергично пожал ее и в свою очередь сообщил:

– Владислав Арсеньевич Зубов, ответственный за весь этот… цирк. Нет, ну честное слово цирк. Приходит ко мне следователь с раннего утра, сует в нос старый журнал. Когда-то, много лет назад, актриса нашего театра носила, видите ли, браслет из листиков с изумрудами. А я теперь должен за него отчитываться!

– А следователю зачем этот браслет сдался? – прикинулся непонимающим Тарасов.

– Говорит, будто убитая Света Лесникова им интересовалась. Я что тут, по их мнению, слежу за бабскими побрякушками?

– А при чем здесь Марьяна Гурьева? – не отставал Тарасов, переминавшийся с ноги на ногу.

– Костюмерша донесла следователю, что видела браслет на руке Марьяны в день премьеры «Узницы короля». Ну, вот я ее и вызвал. А она, как водится, в крик! Бабы вечно кричат, как будто просто объяснить у них не получается. Или глотки у них приспособлены только для воплей? Не пойму.

– А что-нибудь новое известно об убийствах Светы и Ларисы?

– Ничего нового, – ответил Зубов. В его голосе слышались грохочущие интонации. Вероятно, со своей паствой он привык обходиться строго. – Ну, да ладно… Оставим эту тему. Скажите лучше, чем это наш театр привлек антиквара? Неужто нашли у нас какую-нибудь невероятную ценность и рассчитываете выторговать? Это было бы очень кстати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.